

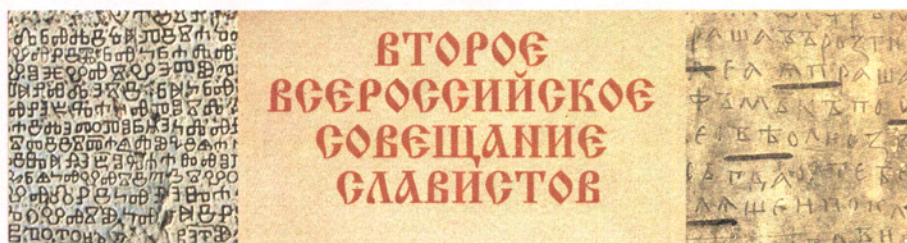
Российская академия наук

Институт славяноведения

А.П. Лаптева

**Преподавание истории зарубежных славян
в российских Университетах
во второй половине XIX - начале XX вв.**

Москва 2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л.П. Лаптева

**Преподавание истории зарубежных славян
в российских Университетах
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Москва 2013

Ответственный редактор:
Е.С. Узенёва

Лаптева Л.П.

**Преподавание истории зарубежных славян в российских
Университетах во второй половине XIX –
начале XX вв. Учебно-методическое пособие. (Материалы ко
Второму всероссийскому совещанию славистов). М., 2013.
170 с.**

ISBN-10 5-7576-0291-0
ISBN-13 978-5-7576-0291-2

© ИСЛ РАН, 2013

Преподавание истории зарубежных славян в российских Университетах во второй половине XIX – начале XX вв.

Славяноведение как предмет преподавания было включено в учебный план университетского образования в России в середине 30-х годов XIX в. Новый университетский устав, утвержденный 20 июля 1835 г., вводил в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах предмет истории литературы славянских наречий. Однако созданные кафедры за неимением кадров специалистов могли быть замещены только к концу 30-х годов, когда на родину вернулись молодые ученые, командированные за границу для усовершенствования образования и знакомства со славянским миром.

Среди командированных от Московского университета был О.М. Бодянский (1808–1877), от Петербургского – П.И. Прейс (1810–1846), от Харьковского – И.И. Срезневский (1812–1880) и от Казанского – В.И. Григорович (1815–1876).

Предмет «славяноведение» понимался тогда узко филологически. В преподавании основное внимание

уделялось славянским языкам: общему языкознанию, истории славянских языков, их грамматике и практическому обучению. Кроме этого преподавались также «энциклопедия славяноведения», «славянские древности», славянские литературы. История славян как особый предмет не преподавалась. Каждый профессор, в зависимости от своей научной специализации, использовал историю славян в качестве фона для изложения истории литературы, пояснения причин развития того или иного славянского языка. Некоторые профессора читали студентам лекции более или менее подробно до определенного периода – историю Чехии до 1620 г., Польши – до первого раздела, фрагментарно читалась история Сербии. Преподавание велось по иностранным пособиям и словарям, тексты профессорских лекций не публиковались и сохранялись лишь в архивах, часто в виде фрагментов.

Все предметы славяноведения на этом первом его этапе развития в России преподавал один профессор, который занимал кафедру. Он читал лекции по истории славянского языкознания, проводил практические занятия по славянским языкам, читал со студентами памятники славянской письменности. Общей программы преподавания не существовало, каждый из профессоров вел обучение в зависимости от своей специальной подготовки и предпочтений. Так, проф. Московского университета О.М. Бодянский, целый год своей стажировки проведший в Чехии, усердно пропагандировал чешскую историю и воспитал целую

группу исследователей гуситского движения из своих учеников. Проф. В.И. Григорович уделял бóльшее внимание южным славянам, а проф. И.И. Срезневский свое педагогическое дарование и научную подготовку использовал для изучения истории славянских языков и литератур во всех их проявлениях.

Первые русские профессионалы-слависты романтически смотрели на славянский мир, главными авторитетами для них были чешские ученые – Й. Добровский, П.И. Шафарик, Ф. Палацкий и др. Сочинения этих авторов служили учебными пособиями для студентов. Однако первые российские славяноведы после своих продолжительных занятий в библиотеках и архивах Германии, Чехии и славянских стран и подробного знакомства с живыми славянскими языками, историческими документами и современным положением славянских народов, в своих научных исследованиях нередко превосходили чешских корифеев и внесли много нового в изучение славянской филологии, чем создали фундамент для дальнейшего ее развития¹.

---

¹ Характеристику первого этапа славяноведения в России см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※

Преподавание истории зарубежных
славян в Университетах России в
период с 60-х годов XIX и начала XX вв.
(до октябрьской революции 1917 г.)

※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※

В начале 60-х годов XIX в. русское славяноведение вступает в новый этап. Изменения в общественно-политических условиях жизни русского общества способствовали расширению интереса к славянству. Реформы 60-х годов коснулись систем образования и просвещения. Ослабела на определенное время цензура, появилось большое количество новых журналов и газет, активизировалась издательская деятельность. Эти явления особенно заметны на фоне той обстановки глубокого застоя, которая характерна для умственной жизни России заключительного периода правления Николая I (после 1848 г.). Растет число Университетов: к прежним шести добавились Новороссийский (открыт в Одессе в 1865 г.) и Варшавский (1869 г.). В 1893 г. немецкий Дерптский университет был преобразован в русский Юрьевский.

В восьми Университетах России рассматриваемого периода существовали славистические кафедры, а также научные общества. Печатные органы издавались как обществами, так и в общеуниверситетском масштабе. Этим создавались широкие возможности для публикации научных сочинений, в частности и по славяноведению. В 70-е годы возникли такие специальные органы как «Филологические Записки» (Воронеж) и «Русский Филологический Вестник» (Варшава). С 60-х годов открылись и более широкие возможности использования достижений западноевропейской науки, сделавшей большой шаг вперед в развитии языкознания, филологии, истории, вспомогательных исторических дисциплин и т.д. Уставом российских Университетов 1863 г. предписывалась двухгодичная командировка за границу всех лиц, готовившихся к профессорскому званию. Стипендиаты имели возможность посещать славянские страны, а также работать в архивах и библиотеках Германии, Австрии, Италии и т.д., устанавливать контакты со славянскими и другими учеными. Если до 60-ых годов славянские страны посещались «с ученой целью» считанными единицами русских славяноведов, то в рассматриваемый период фактически каждый русский славист имел возможность изучать язык, литературу, историю славянских народов непосредственно в их среде.

В 60-х – 70-х годах происходит смена поколений русских славистов. Правда, первое поколение университетских профессоров-славяноведов еще действова-

ло до второй половины 70-х годов, но оно уже заканчивало свой творческий путь. Ученики О.М. Бодянского, В.И. Григоровича, И.И. Срезневского выработали под влиянием изменившихся исторических условий иные взгляды на славянство, нежели их учителя. Новое поколение уже не разделяло восторженно-романтического отношения к славянской старине, реалистически оценивало и современность. Второе поколение русских славистов уже не было связано личным знакомством с такими зарубежными авторитетами как П.Й. Шафарик, В. Ганка и др., определявшими отношение русских ученых к славянству во второй трети XIX в., имеет больше моральных прав и психологических оснований для критики и корректировки концепций тех корифеев, которые были учителями первого поколения русских университетских славяноведов.

В рассматриваемый период значительно оживился интерес к славянским проблемам и у русской общественности вне Университетов. Культурные, благотворительные и просветительные организации знакомили русскую публику со славянством и создавали благоприятную атмосферу для расширения знаний о нем у тех ее представителей, которые интересовались славянской тематикой. На средства славянских благотворительных комитетов и обществ издавались научные сборники и отдельные исследования, касавшиеся языков, истории и культуры славянских народов.

Наряду с Университетами славяноведческие дисциплины в той или иной степени преподавали и такие учебные заведения как Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине, духовные академии и др. В Петербургской духовной академии существовала кафедра истории славянских церквей.

Славистические проблемы были предметом занятий и некоторых членов Академии наук, в ее «Известиях» публиковались славистические работы не только русских, но и зарубежных ученых. В 90-х годах была осуществлена реорганизация Академии наук, причем ее Второе отделение – Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) стало интенсивно заниматься славянскими языками, литературами и историей и к началу XX в. превратилось в организационный и координационный центр русской славистики.

А до этого времени русская славистика развивалась в основном в рамках университетских славистических кафедр и научных обществ. Общей, специально разработанной программы преподавания славистических дисциплин не было не только в XIX, но и в начале XX века. Содержание курсов лекций определял каждый профессор в соответствии со своим мировоззрением и научными интересами. Профессора обычно руководствовались общими соображениями о необходимости воспитания в русском обществе и подрастающем поколении славянского самосознания, о том, что познание «славянского мира» во всех его «особенностях» способствует развитию русской культуры

и науки ввиду принадлежности России к числу славянских стран. Большое значение придавалось отображению в преподавании роли России в судьбах славянских народов. Эти общие принципы и определяли задачи славистической науки в высшей школе. Университетские уставы 1863 и 1884 гг. не предусматривали в Университетах кафедр славянской истории, однако история славян была введена в число обязательных предметов исторических отделений историко-филологических факультетов.

Кроме славянских языков, литератур и истории читался курс «славянских древностей», содержащий в себе элементы источниковедения, этнографии, археологии, истории письменности, историографии о древних славянах (до X – XI вв.). Иногда из этого курса выделялась «историческая этнография славян». Преподавалось также «Введение в славяноведение».

Все профессора-слависты Университетов и других учебных заведений занимались научной работой в области славяноведения. Университетские уставы требовали публикации магистерской и докторской диссертаций, а без получения соответствующих ученых степеней профессорская должность не предоставлялась. Научная работа велась как индивидуально, так и в научных обществах, возникших во всех Университетах и объединявших университетских профессоров, а также сотрудников других культурных организаций – библиотек, архивов музеев и вообще лиц, занимавшихся научными исследованиями

независимо от университетов. Общества создавали научную среду для их членов и предоставляли возможность публикации результатов исследований, в том числе и по славистике.

Преподавание истории славян В Московском университете

Одним из главных центров русской славистики являлся Московский университет. Как известно, систематическое преподавание славяноведения началось здесь с 1842 г., когда кафедру истории и литературы славянских наречий занял известный славист О.М. Бодянский, проработавший до 1868 г. Система его обучения славянским языкам и литературам, которым он и посвящал основное время, сложилась в дореформенный период. В Московском университете существовала всего одна славистическая кафедра, входившая в штат историко-филологического факультета и предусматривавшая работу лишь одного профессора. Поэтому О.М. Бодянский преподавал все славянские языки и литературы, а в определенном объеме также и историю и прочие дисциплины. В 60-е годы Бодянский внес – правда, не очень существенные – коррективы в свою преподавательскую деятельность: в ней прослеживается тенденция к некоторому увеличению удельного веса славянской истории. Так, в 1860–1861 учебном году он преподавал не только польский язык

и сравнительную грамматику («учение о глаголах»), но и вел курс под названием «Из истории польской. События XVI–XVII вв.»¹ С 1863 г. ежегодно преподавались сравнительная грамматика славянских языков, сами эти языки и славянская история (в некоторые годы еще и курс истории славянских литератур). Проблема учебников и учебных программ Бодянским решена не была. Профессор использовал изданные за рубежом грамматики, словари, сочинения по славистике. В 1868 г., когда Бодянский закончил свою профессорскую деятельность, завершился и первый этап развития славяноведения в Московском университете. В определенном смысле ушедший в отставку профессор мог гордиться результатами своей педагогической деятельности. В разное время под его руководством проходили славистическую подготовку известные впоследствии ученые – А.Ф. Гильфердинг, А.А. Майков, Е.П. Новиков, А.Л. Дювернуа, А.А. Котляревский, М.С. Дринов, А.А. Кочубинский и др.

Преемником Бодянского на кафедре стал А.Л. Дювернуа (1838–1886)², представитель второго поколения русских славистов. Пройдя славистическую подготовку под руководством О.М. Бодянского, он не

¹ Лаптева Л.П. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX – начале XX вв. // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина. М., 1983. С. 34–56.

² Характеристика А.Л. Дювернуа как историка содержится в статье: Лаптева Л.П. А.Л. Дювернуа и его работы по истории славян // Советское славяноведение. 1978. №3. С. 59–73.

разделял однако ни свойственного учителю романтического взгляда на славян, ни его оценок событий славянской истории. А.Л. Дювернуа был преимущественно лингвистом. Заняв кафедру, он, правда, заинтересовался и историей славян, однако здесь его ожидало разочарование. Работа Дювернуа «Станислав Зноэмский и Ян Гус», подготовленная в качестве докторской диссертации, не была даже допущена к защите, так как показала несостоятельность исторической концепции автора, его работы с историческими источниками. Он получил докторскую степень за лингвистическое сочинение «Система элементов и форм славянских наречий», А.Л. Дювернуа проявил себя как славист-языковед нового типа, сторонник сравнительного метода языковых исследований. Одаренный и широко образованный, А.Л. Дювернуа по-новому организовал и процесс преподавания славянских языков. Начиная с 1872 г., он издавал практические руководства к изучению «славянских наречий» и вообще сосредоточился на преподавании славянских языков и литератур. С приходом нового профессора обучение этим дисциплинам поднялось на более высокую ступень.

В середине 60-х годов произошли изменения и в преподавании истории славян в Московском университете. С 1865 г. лекции по этой дисциплине стал читать Нил Александрович Попов, тогда доцент кафед-

ры русской истории. Н.А. Попов (1833–1891)¹ окончил Московский университет и с 1860 г. по 1888 г. преподавал в нем, сначала в качестве адъюнкта, затем – доцента и профессора. В 1888 г. он был назначен управляющим Московского архива министерства юстиции, где возглавил работу по научному описанию фондов. Изданные под его редакцией четыре тома «Описаний документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции» и два тома «Актов Московского государства» имели большое значение для изучения русской истории и высоко оценивались современной наукой. Начиная свою педагогическую деятельность, Н.А. Попов провел два года (1862–1864) в заграничной командировке, посетил Германию и земли австрийских славян, подолгу жил в Праге, Брно, Любляне, Загребе, Белграде, Нови Саде и других центрах славянской культурной жизни. Результатом его пребывания за рубежом явилось хорошее знание славянских языков, славянской историографии и современного политического положения славян. Работая на кафедре русской истории (он был помощником проф. С.М. Соловьева), Н.А. Попов, возвратившись из-за границы, стал преподавать историю славянских народов, которая считалась «дополнительным предметом русской истории». Учившийся у Н.А. Попова А.А. Кочубинский впоследствии вспо-

---

¹ См. Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

минал: «В это время в Московском университете историю преподавал один С.М. Соловьев. Всеобщая история целый год не читалась – С.В. Ешевский был болен и умер в мае 1865 г. Попов должен был на время оставить свою кафедру и открыть комбинированный курс общей и русской истории – по истории средней Европы, особенно по истории Австрии. С появлением нового профессора началось общение его слушателей с ним... Его разнообразная библиотека, особенно по славянской части, была моим неоценимым другом: славянские грамматики, словари, славянские журналы таскались мною домой, и радушный владелец не стеснялся пользования... Я в своем позднейшем специальном знании немало был обязан и Попову, и его библиотеке»¹.

В славянских странах Попов установил личные знакомства с представителями славянской интеллигенции, особенно с деятелями тогда еще мало известных в России славян Австрийской империи. Это «живое знание славянского мира» дало возможность молодому ученому организовать учебную работу по славянской истории. Курс лекций Попова по этой дисциплине не сохранился, но имеются сведения, что в 1882–1883 учебном году профессором читался обзор современной ему исторической литературы о славянах, историко-географический «очерк» славянских

---

¹ Кочубинский А.А. Из моих воспоминаний. На память о Ниле Александровиче Попове (1833–1891) // Новороссийский телеграф. № 5324. 3 января 1892 г.

стран в средние века, курс лекций по политической и внутренней истории их до конца XVI в. В 1883–1884 учебном году этот курс был продолжен до нового времени. Кроме того, в него был включен обзор польской, чешской и южнославянской историографии – от ее возникновения до конца XVII в. В первом полугодии 1886 г. Попов читал краткий курс истории южных и западных славян. Особое внимание в курсах лекций профессор обращал на те эпизоды политической истории сербов, болгар, поляков, которые касались отношений с русским государством.

Наряду с профессорской, Попов вел и активную научную деятельность, преимущественно в области истории славян. Особое внимание он уделял истории Сербии. Важнейшим его произведением по этой проблематике была книга «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии...»¹, высоко оцененная наукой обеих названных славянских стран. Попов изучал также историю Далмации и Боснии. Другая группа его работ сосредоточена вокруг истории Чехии и Польши, а также русско-славянских отношений. Особую ценность с этой точки зрения представляют предпринятые им публикации источников, в частности, корреспонденции.

---

¹ Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 г. по 1856 г. Т. 1-2. М., 1869. Труд был переведен на сербский язык и издан в Белграде в 1870 г. – Попов Н. Србијаи Русија од Кочине Крајине до Св.-Андрејевске скупштине. Београд, 1870. Св. 1-4.

Н.А. Попов был также активным публицистом и общественным деятелем, секретарем Славянского благотворительного комитета в Москве, имел обширные связи со славянами за рубежом. Его общественная деятельность всегда строилась на славянофильской основе.

После Н.А. Попова, оставившего Московский университет в 1888 г., славянская история – уже как отдельная дисциплина – читалась профессорами всеобщей или русской истории, а иногда и специалистами по истории славян – приват-доцентами. Среди читавших этот курс можно назвать византиниста П.В. Безобразова, слависта-филолога П.А. Лаврова, историка западной России И.А. Линниченко. Не все курсы лекций по истории славян, читавшиеся в Московском университете, сохранились, но следы их существования отразились в архивах и литературе. Так, в архиве И.А. Линниченко (1857–1926) хранится большая рукопись лекций по истории Чехии и Польши, читавшихся в московском университете. Имеется также материал его лекций о балтийских славянах и текст «Общего введения в историю славянских народов». В 1895 г. один из курсов лекций И.А. Линниченко был издан¹.

В литографированном издании дошел до нас курс лекций по истории Чехии², читавшийся в Мос-

¹ Линниченко И.А. История западных славян. Курс лекций. М., 1895.

² Лавров П.А. История Чехии. М., 1897 (литографированное издание).

ковском университете Петром Алексеевичем Лавровым (1856–1929). Он был воспитанником Московского университета и занимался прежде всего славянской филологией. Защитив в 1887 г. магистерскую диссертацию, он стал приват-доцентом Московского университета, где и преподавал до 1892 г. Однако если в области филологии П.А. Лавров достиг многого, то историю славян он самостоятельно не разрабатывал, составляя свои лекции на основе литературы. Он не принадлежал ни к одной школе историков, его лекции (напр., по истории Чехии) эклектичны и нередко содержат противоречивые оценки отдельных исторических событий. Курс истории Чехии начинается с изложения «чешских древностей» с особым акцентом на «кирилло-мефодиевскую проблему». Тяготение Лаврова к этой проблеме понятно, материалы по данной тематике были ему очень хорошо известны из источников, крупнейшим знатоком которых он являлся как филолог. Но в историческом плане он истолковал эти источники совершенно неправомерно. По его мнению, Кирилл и Мефодий – носители идеи православия, а заложенная ими «православная традиция» якобы сохранилась в Чехии вплоть до XIV в. Теория так называемых «православных остатков» в Чехии и связи между «православным крещением» этой страны и гуситским движением XV в. была в конце XIX в. анахронизмом. Она развивалась еще в 40–60-е годы XIX в. историками славянофильского направления, но к 80-м годам была уже полностью отвергнута серьезной нау-

кой¹. Половину всего курса Лавров отвел характеристике гуситского движения, событиями которого и заканчивал свое изложение. Причинами движения он считал разногласия между католической церковью и чехами, стремящимися якобы «восстановить» у себя «первоначальную славянскую религию», т.е. православие. Эта точка зрения также полностью соответствует славянофильским построениям более раннего периода. Правда, в лекциях Лаврова содержится правильное наблюдение, фиксирующее несоответствие учения католической церкви ее практическим действиям, мысль о том, что это несоответствие вызвало протест всех слоев населения, ввиду чего «экономические трудности возрастали». Но это положение в курсе лекций не развито. Вся концепция чешской истории, излагавшаяся Лавровым, к тому времени устарела. Не разделяя крайностей славянофильского подхода к истории, он все же постоянно сбивался на славянофильские толкования событий, предлагал слушателям давно устаревшие мнения и оценки.

Совершенно иное содержание и научное значение имели лекции П.А. Лаврова по истории Болгарии. Вообще история болгарского народа «политическая и духовная жизнь которого очень тесно связана с Россией», преподавалась профессорами весьма подробно. Этот курс читал и О.М. Бодянский, и Н.А. Попов, од-

---

¹ Подробнее об этом см.: Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978. С. 155–159.

нако их тексты сохранились лишь в архивах или вообще не известны. Первым текстом читавшегося курса, изданным литографированным способом, была «История южных славян» П.А. Лаврова¹. Профессор читал этот курс в Московском университете в 1895–1896 учебном году.

Петр Алексеевич Лавров родился в Ярославле, в семье протоиерея, профессора богословия в Ярославском Демидовском юридическом лицее, и это обстоятельство имело важное значение в выборе будущим ученым его жизненного и творческого пути. С самого раннего детства он учился древним и новым языкам, и уже домашним воспитанием был подготовлен к блестящему прохождению курса гимназии и историко-филологического факультета Московского университета, который он окончил в 1879 г. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, Лавров сосредоточился на изучении памятников древнеславянской литературы и освоил практически все, что было тогда известно как в печати, так и в российских рукописных хранилищах.

С целью изучения древних славянских памятников Лавров неоднократно посещал славянские страны. В 1894 г. он совершил ученое путешествие на Афон

---

¹ Лавров П.А. История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете в 1895/6 году. Москва [1896]. Литогр. 362+3 с. В дальнейшем все сведения даются по этому изданию.

для изучения рукописей¹. В русском Пантелеймоновском монастыре он остановился, но ездил оттуда в Зограф, Хилендар и в монастырь св. Павла. Ученому удалось обнаружить много новых, неизученных и неправильно атрибутированных материалов. Так, большой интерес представило для него болгарское евангелие 1322 г. В Зографском монастыре Лавров изучал «Служебную миною XII–XIII вв.», что позволило ему исправить некоторые ошибки предшественников. Из Афона через Солунь Лавров проехал в Болгарию и остановился в Софии. Здесь он работал в Народной библиотеке, где хранилось более двухсот рукописей. Между прочим, русский ученый отмечал, что заниматься в Софийской библиотеке очень удобно: в течение всего времени пребывания там он сидел в отведенной ему комнате в полном одиночестве.

Путешествие Лаврова на Афон имело важные последствия для науки. Исследованные им тексты были изданы, что стало серьезным достижением в деле изучения древнеславянской письменности, а сам Лавров вошел в число крупнейших знатоков предмета.

Курс лекций по истории Болгарии Лавров начинал с характеристики источниковой базы. Отметив, что «болгарская литература не богата первоисточниками на родном языке», Лавров перечисляет сохранившиеся грамоты болгарских царей и приводит мне-

---

¹ См.: Записка о путешествии по славянским землям доктора славянской филологии П.А. Лаврова в 1894 г. // Сб. ОРЯС. Т. 64. 1899. Приложения. С. XIX–XXVI.

ния ряда ученых и собственные аргументы в пользу существования некогда болгарских летописей, погибших, по его мнению, в тяжелые годы болгарской истории. Из других источников Лавров указывает на жития болгарских святых. Первым произведением о прошлом Болгарии Лавров считает «Историю славяноболгарскую» Паисия, которая, по мнению русского ученого, является не историческим трудом, а собранием сведений о болгарях из различных источников (они в лекции перечисляются). Слушателям сообщались также сведения о публикациях сочинения Паисия и о новейших посвященных ему трудах. Характеризуя далее процесс изучения истории Болгарии, Лавров называет несколько общих обзоров истории южных славян, изданных в конце XVIII в., а начало изучения истории Болгарии в России связывает с именем Ю.И. Венелина, труды которого, по мнению Лаврова, «в значительной степени утратили научное значение, но в свое время имели огромное влияние на пробуждение народного духа болгар». Первое научное объяснение начала болгарской истории дал, по мнению Лаврова, П.И. Шафарик в его «Славянских древностях». Указав на достоинства работы русского ученого М.И. Соколова «Из древнейшей истории болгар», Лавров упоминает далее также труды М. Дринова, С. Палаузова, Е. Голубинского, К. Иречека, отмечает недостатки двух русских переводов иречекова очерка болгарской истории, упоминает о рецензии Дринова на этот очерк, о разборе его русским ученым В.В. Макуше-

вым в 1878 г. «Высокие достоинства рецензии Макушева, – пишет Лавров, – делают ее необходимой при пользовании трудом Иречка. При нашем изложении курса мы всегда будем иметь в виду заключения Макушева»¹. В целом источниковый и историографический обзор Лавров преподносил своим слушателям на уровне, соответствовавшем достижениям конца XIX в.

Переходя к конкретному изложению материала древней болгарской истории, Лавров выясняет вопрос о том, были ли славяне «старожилами» Балканского полуострова. Он высказывается против теорий некоторых ученых, считавших фракийцев славянами (И. Лелевель, А. Чертков, П. Бутков, Н. Савельев-Ростиславич и др.), и критикует развивавшуюся некоторыми немецкими учеными «франко-славянскую теорию», доказывая ее несостоятельность на основании данных языка. Также и по вопросу о появлении славян на Балканском полуострове Лавров излагает различные точки зрения. Выводы Дринова о том, что заселение славянами Балканского полуострова началось в III в., Лавров не находит достаточно убедительными с филологической и других точек зрения. Русский ученый прослеживает факты, предоставляемые достоверными, по его мнению, источниками, убеждающими в том, что славяне начали заселение Балканского полуострова только в конце V в.

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 75.

Отметим как положительный педагогический прием указание в лекциях на границы Болгарии конца XIX в. Тем самым лектор определял ареал, историю которого собирался излагать. Такие определения весьма способствуют усвоению материала учащимися.

Определив современные ему границы Болгарии, лектор констатирует, что в древности славянские территории, «подпавшие владычеству болгар», были гораздо обширнее. Эти древние границы Лавров указывает на основании данных Шафарика, Дринова и А. Гильфердинга, а также по собственным соображениям, выведенным из источников, – житий Дмитрия Солунского, договора Генриха Дондола с крестоносцами, грамот ряда царей и других документов.

Излагая материал о появлении болгар за Дунаем в V в., об их вторжении в Мизию и создании болгаро-славянского государства, Лавров останавливается на вопросе об этнической принадлежности болгар. Вслед за Шафариком он утверждает, что болгары-завоеватели были народом неславянского происхождения, и дополняет аргументы Шафарика свидетельствами открытой русским ученым Андреем Поповым болгарской летописи, в которой имена болгарских государей и ряд выражений могут быть объяснены «только из языков тюркских». На этом основании, на примере упомянутых собственных имен, предложенном Гильфердингом, Иречеком и А. Куником, Лавров объявляет лишённым оснований мнение болгарского

историка Крыстовича и русского Д. Иловайского о славянском происхождении болгар. «Болгаре-завоеватели, – пишет Лавров, – вероятнее всего, принадлежали к числу тюркских племен, но, подчинив своей власти славян, живших в Мизии между Балканом и Дунаем, они в короткое время слились с ними, приняли их язык, нравы, образ жизни. Взамен того славяне приняли их имя. Однако болгарский элемент не исчез до половины IX века»¹. В связи с этим нельзя не отметить, что принятая ныне точка зрения на этническую принадлежность болгар была доказана более 100 лет тому назад в основном трудами русских ученых и в их числе Лавровым.

Подробно изложив в лекциях события, связанные с войнами болгарских князей против Византии, Лавров выделяет вопрос о принятии князем Борисом христианства, считая этот акт главной заслугой названного государя. Лектором подробно разбираются источники о крещении болгар, указывается и литература по этому вопросу. На основании всех доступных ему материалов Лавров заключает, что христианство среди балканских славян существовало до прихода болгар, и почва для крещения последних подготавливалась постепенно. По его мнению, князь Борис крестился в 864 или 865 г., вместе с ним крестились бояре, а затем и весь народ. Разбирая мотивы крещения Бориса, Лавров приходит к выводу, что болгарский

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 115–116.

князь был искренне убежден в преимуществах христианской религии и не руководствовался никакими политическими соображениями. Однако это суждение Лаврова ничем не подтверждается. Напротив, дальнейшее изложение политических событий, связанных с лавированием Бориса между византийским патриархом и римским папой, показывает, что болгарский государь обращал внимание, прежде всего, на политическую сторону вопроса, стремясь к созданию самостоятельной болгарской церкви – без латинского и греческого влияния, т. е. церкви, которая способствовала бы укреплению власти князя. Далее Лавров обсуждает в лекциях вопрос об участии Кирилла и Мефодия в проповеди христианства в Болгарии. «В настоящее время считается наиболее вероятным отрицательный ответ на этот вопрос», – констатирует ученый, подчеркивая, что о христианизаторской миссии солунских братьев говорят только поздние и к тому же явно тенденциозные источники.¹ Однако Лавров отмечает, что принятые Болгарией ученики Кирилла и Мефодия утвердили в стране славянское богослужение.

Политическая история Болгарии излагается Лавровым по правлениям царей. Эпоху Симеона Лавров освещает подробно, личность этого царя оценивается высоко, отмечается его образованность, которой он «не уступал современным ему императорам Византии

---

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 135.

– Льву Философу и Константину Багрянородному»¹. В повествовании о политике Симеона Лавровым широко использованы письма византийского патриарха Николая Мистика, призывавшего Симеона к миру с Византией. Показано, что Симеон не внял призывам патриарха, а решил воспользоваться тяжелым положением Византии, лишил ее владений на Балканском полуострове и подошел к Константинополю, так что лишь смерть болгарского царя положила конец его притязаниям на византийский престол. Следующий период болгарской истории Лавров связывает с царствованием Петра. Подробно излагаются все перипетии внешней политики и внутренней борьбы в Болгарии при Петре и его преемнике – до падения первого Болгарского царства. На причинах последнего события Лавров не останавливается, ограничиваясь констатацией фактов.

Раздел «Внутреннее состояние Болгарии в эпоху первого Болгарского царства», выделенный лектором особо, содержит краткую характеристику социальной структуры общества, административного деления и управления царством. О занятиях населения, уровне развития производительных сил в лекциях Лаврова сведений нет. Зато лектор подробно останавливался на «умственной» жизни в Болгарии указанного периода.

---

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 139.

Начало просвещения у болгар Лавров связывает с деятельностью Кирилла и Мефодия, хотя и отрицает их личное участие в обращении южных славян в христианство. Касаясь этнической принадлежности солунских братьев, Лавров отмечает, что решить вопрос об их греческом или славянском происхождении не представляется возможным, но «по воспитанию и образованию они -византийцы»; что в Солуни все греки владели славянским языком. Далее Лавров останавливается на фактах деятельности братьев, поскольку в литературе конца XIX в. об этих фактах шла дискуссия. По мнению Лаврова, Кирилл и Мефодий отправились в Моравию с уже начатым переводом евангелия, а в Моравии этот перевод был закончен, и здесь же были переведены богослужебные книги. Относительно языка перевода Лавров представляет две версии: по первой – В. Копитара и Ф. Миклошича – считалось, что язык был словенский (ближе всего – к языку паннонских славян), по другой – В. Ягича, В. Облака и др. – что древнеболгарский. Своей точки зрения Лавров не формулирует. Лишь немногим более конкретно лектор высказывается по вопросу о том, какой алфавит был изобретен братьями. Указав на разные мнения, Лавров приходит к выводу, что «оба алфавита стояли в зависимости от греческого письма, кириллица – от уставного, глаголица – от курсивного». Оценивается в лекциях и деятельность учеников Мефодия в Болгарии, Климента Словенского епископа Величского, пресвитера Константина и особенно

Иоанна Экзарха Болгарского; на «Шестоднев» и рассуждении «О письменех» лектор останавливался подробно. Затем весьма основательно освещается история богомилства в Болгарии. Названы все известные источники и их публикации. В отличие от других исследователей, считавших учение богомилов безусловно дуалистичным, Лавров усматривает в нем лишь «следы дуализма». Широко используя источники, Лавров подчеркивает социальную сторону богомилского учения: «В призывах не повиноваться властям, не работать на господина слышится протест против общественных порядков в Болгарии [...], против угнетения высшими классами низших [...], против закрепощения населения, жившего на землях властителей, которого положение [...] не многим отличалось от рабов»¹. Именно в этих призывах Лавров видит причину поддержки богомилов народными массами, а также распространения его на Запад, где богомилы выступали «под различными названиями». Социальный характер богомилского учения в Болгарии был в русской литературе конца XIX в. общепризнанным. Лавров общал слушателям новые, прогрессивные оценки движения.

В следующем разделе – о состоянии Болгарии под владычеством Византии 1018–1186 гг., – очень подробно говорится о положении церкви: количестве епархий, привилегиях клириков, богатствах монасты-

---

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 195.

рей, церковной догматике. Возможно, что такое направление изложения объясняется характером сохранившихся источников.

Детально освещаются в лекциях борьба против византийского господства, создание Второго болгарского царства, перипетии отношений с западными крестоносцами. Изложение доводится до турецкого завоевания. Упомянув о том, что началась эллинизация болгар, уничтожение фанариотами болгарских памятников письменности, Лавров вместе с сочувствием судьбе болгарского народа выражает веру в его исторические жизненные силы¹.

Последний раздел лекций – «Внутреннее состояние Болгарии в эпоху Второго болгарского царства (1186–1393)» - носит справочно-энциклопедический характер. Сообщается, как именовалось болгарское царство у разных народов, перечисляются населявшие его этникумы, государственные и дворцовые должности, приводятся титул царя, знаки царского достоинства и пр. При характеристике сословий лектор ограничивается констатацией существования дворянства, духовенства и горожан, а также прикрепленного к земле сельского населения. Большое внимание уделяется болгарской церкви, монастырям, положению духовенства.

В лекциях имеются также напечатанные на русском языке тексты источников по болгарской истории

---

¹ Лавров П.А. История южных славян. С. 40–53.

– ответы папы Николая на вопросы болгар (IX в.), грамота Иоанна Асеня II (после 1218 г.), список древних болгарских князей¹. Ко всем документам приложены примечания. Вероятно, материал источников был рассчитан на самостоятельную работу студентов. Включение источников в перечень вопросов для экзаменов говорит о том же.

Можно резюмировать, что в конце XIX в. российские студенты получали основательные знания по болгарской истории. Лавров, не ограничиваясь фактическим материалом, показывал состояние источниковой базы, современный ему уровень разработки болгарской истории, вносил в лекции собственные оценки и интерпретации, особенно по вопросам культуры и роли церкви. Но вместе с тем, в лекциях Лаврова отсутствует анализ социально-экономических процессов, не прослеживается причинная связь между внутренним развитием страны и политическими процессами. Почти нет сведений об уровне развития производительных сил и социальных отношений. Видимо, это объясняется в значительной мере ограниченностью и односторонностью источниковой базы. Но есть и другая сторона: Лавров не был профессиональным историком, он освещал болгарскую историю методом «филологического позитивизма», тогда как «исторический позитивизм» с его вниманием к экономическим и социальным проблемам оставался Лаврову

¹ Приложены в конце литографированного текста лекций.

чуждым. Поэтому по сравнению с лекциями, читавшимися в Московском университете по истории западного средневековья на основе прогрессивного для конца XIX в. позитивистского метода в историографии, изложение Лавровым преимущественно политической истории Болгарии выглядит в общем отсталым.

Лавров работал в Московском университете до 1898 г. В 1900 г. он занял кафедру славянской филологии в Петербургском университете, где и проработал до 1915 г. С 1902 г. он был членом-корреспондентом, с 1923 г. – действительным членом Российской академии наук.

После ухода Лаврова из Московского университета лекции по истории южных славян стал читать проф. М.И. Соколов (1854–1906)¹. Текст его лекций не обнаружен. Имеются сведения, что в 1900–1901 учебном году он вел специальные занятия по истории богомилства, состоявшие из вступительных лекций, обсуждения подготовленных студентами рефератов по сочинениям Козьмы Пресвитера, Евфимия Зигабена, Иллариона Мегленского и объяснительного чтения на латинском языке «Книги св. Иоанна». Соколов был одним из известных исследователей южнославянской письменности и истории, он опубликовал большое

---

¹ См. Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX вв. М., 1997. С. 186–189.

число древнеславянских текстов, им же открытых и разобранных.

С 1907 г. историю южных славян в Московском университете читал Вячеслав Николаевич Щепкин (1863–1920)¹.

Окончив в 1883 г. Московский университет, Щепкин стал готовиться к экзаменам на степень магистра славянской филологии. С этого же времени начинается его литературная работа в области славяно-русских древностей, славяно-византийского религиозного искусства, славяно-русской палеографии. В 1895 г. Академия наук поручила Щепкину разбор книги П.А. Лаврова «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка», представленной на премию проф. А. Котляревского. В обширной рецензии, являющейся самостоятельным исследованием, Щепкин не только указал на ценность работы, но и сделал значительное число замечаний по разделу об истории болгарских гласных, отметил и недостаточное знакомство Лаврова с наиболее плодотворным методом объяснения явлений языка. Признавая научное значение труда, давшего «новую пищу историческому изучению болгарского языка», установившему «новые точки соприкосновения между болгарскими наречиями [...] и языком древнейших славянских памятников», Щепкин полагал, однако, что автору «сле-

---

¹ См. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М., 2012. С. 102–120.

довало бы строже сообразовываться как с данными сравнительной грамматики, так и с лингвистическим методом, требующим, прежде всего, критического отношения к явлениям языка». Уже этой рецензией Щепкин зарекомендовал себя как отличный знаток и самостоятельный исследователь «языка старославянского на общем фоне разработки всей болгарской группы говоров». Защитив в 1899 г. магистерскую диссертацию «Рассуждение о языке Саввиной книги», где рассмотрен вопрос о соотношении и степени исторического родства между языками старославянским и новоболгарским, Щепкин с 1900 г. стал преподавать славянскую филологию в Московском университете в качестве приват-доцента. В 1901 г. ОРЯС командировало его для занятий славянской филологией и византийским искусством в Италию¹. Там он изучил памятник древнеболгарской письменности XI в. Ассеманово евангелие и подготовил его к печати. Кроме того, ученый ознакомился с греческими рукописями, среди которых была и «Паноплия» Зигабена (XII в.), а из болгарских – Летопись Манассии 1396 г. В Болонье Щепкин особенно заинтересовался хранившейся там псалтырью. «Болонская псалтырь с вероятной датой 1230–1240, – писал он, – стоит во главе болгарских памятников определенного времени»².

¹ О ходе и результатах командировки Щепкина см.: Сб. ОРЯС. Т. 71. 1902. Приложения. С. 37–40. Известия ОРЯС. Т. 7. Кн. 3. 1902. С. 156–218.

² Известия ОРЯС. Т. 7. Кн. 3. 1902. С. 161.

Командировка Щепкина принесла большую пользу русской науке, а сам он стал известным знатоком и исследователем не только славянских языков, но и славянской палеографии, художественной археологии, истории славянских литератур. В 1906 г. Щепкин, защитив диссертацию на тему «Болонская псалтырь», стал доктором славянской филологии, а в 1907 г. занял в Московском университете кафедру славянской филологии, где и оставался до 1917 г. Одновременно Щепкин в течение 30 лет служил в Российском историческом музее, заведывая отделением древних рукописей и старопечатных книг. Преподавал он и на московских Высших женских курсах. В 1913 г. Щепкин стал членом-корреспондентом Академии наук. С 1 февраля 1917 г. он ушел на пенсию, которая, однако, «в связи с событиями», как сам он писал 16 октября 1917 г., ему не начислялась. Вместе с тем он был уволен и с работы в Музее, так что ученый остался без средств к существованию. Умер он 2 декабря 1920 г.

В лице Щепкина Московский университет имел крупнейшего слависта, знатока древнеславянского письменного наследия, систематизатора научного метода палеографии, словом – разностороннего и эрудированного ученого. В качестве профессора кафедры славянской филологии он читал теоретические лингвистические лекции, курсы славянских литератур, вел занятия по славянским языкам, а по болгарскому

издал и учебник¹. Курс истории южных славян Щепкина был дважды издан литографским способом². Этот курс охватывал историю Болгарии и Сербии до турецкого завоевания включительно. Изложению предшествовало обширное введение, в котором характеризуются языки южных славян и делается вывод, что «болгары, сербо-хорваты и словенцы составляют три независимые друг от друга лингвистические группы, родственные между собой только по более отдаленному предку - языку общеславянскому. Это лишь три наречия общеславянского языка, которые выделились из него врозь и зажили каждое отдельной исторической жизнью». Далее говорится об этнографической ситуации на Балканах до прихода сюда славян, о переселении народов и борьбе Византии с «варварами», о захвате славянами византийской территории. Щепкин характеризует географические условия земель, занятых южными славянами, их культурное наследие. Что касается прародины славян, то ученый придерживается карпатской теории.

История Болгарии излагается в курсе лекций по разделам: древнейшая история, Кирилл и Мефодий, болгарская письменность, правление Симеона, «богумильство», Второе царство. В первом разделе – о древней истории - оцениваются сведения византий-

---

¹ Щепкин В. Учебник болгарского языка. М., 1909. 106 с.

² Щепкин В. История южных славян. Курс лекций, читанный в Имп. Моск. университете в 1909/10 акад. году. М., 1910. 332 с.; Щепкин В. История южных славян. М., 1913. 291 с.

ских источников о болгарях и взаимоотношениях последних с Византией. Вопрос об этническом происхождении болгар, по мнению Щепкина, «у всех серьезных исследователей считается решенным в том смысле, что они не были ни славянами, ни другою ветвью индоевропейского корня». В отличие от Лаврова, Щепкин считает, что «язык этих болгар не относится к тюрко-татарской группе; остается думать, что их язык принадлежал к финно-мадьярской группе или, [...] может быть, к такой, которая более не имеет живых представителей»¹. Характеризуя культуру переселившихся на Балканский полуостров болгар, Щепкин замечает, что «пришельцы [...] стояли несравненно ниже словен [...]. Болгары Аспаруха несли словенам только одну социальную сторону культуры [...] – твердую военную организацию и монархическую власть»². В отличие от Лаврова, излагавшего в лекциях преимущественно политические события, связанные с укреплением положения болгар на Балканском полуострове, Щепкин обращает внимание на социальный строй раннеболгарского государственного объединения: «У болгар была единая монархическая власть и в то же время сильное боярство, очевидно, родового происхождения: в кочевом периоде предки этих бояр были, очевидно, главами улусов (родов): при оккупации Мизии они обратились в земельную

¹ Щепкин В. История южных славян. С. 94.

² Там же. С. 95–96.

аристократию, поделившую между собою власть над славянами-землевладельцами [...]. Перед нами наследственная монархия и родовая земельная аристократия, которой принадлежат высшие должности [...]. Мы имеем все основания предполагать, что болгарская аристократия черпала свои силы не только из государственной службы, но и из обширных захваченных в Мизии земельных владений; что права государя истари были ограничены правами родовых владык; что потомки этих последних, болгарские бояре, ревниво отстаивали свои политические права против государя, а этот последний уже стремился к абсолютной власти, заманчивый образец которой он находил теперь у греков. Еще мы должны принять, что земельные отношения получили менее благоприятный характер, чем в соседней Византии VIII века, то есть, что результатом завоевания и боярского землевладения были формы земельных отношений, близкие к крепостному праву»¹.

Таким образом, подход Щепкина к древней истории Болгарии более глубок, чем у Лаврова. Своим анализом сущности раннеболгарского государства Щепкин объясняет причины многих политических событий, подробно изложенных Лавровым, но оставшихся у него на уровне простой констатации. Сам же Щепкин политические события излагает коротко: основное внимание он обращает на причины и следст-

---

¹ Щепкин В. История южных славян. С. 98–99.

вия этих событий и их связь с внутренним развитием болгарского государства. Такой прогрессивный для того времени подход к историческому процессу был характерен для русской позитивистской историографии. Многие оценки и суждения Щепкина о болгарском государстве приемлемы и в настоящее время.

Во многом по-новому подошел Щепкин в своих лекциях и к роли и значению деятельности Кирилла и Мефодия для славянской культуры. Во втором разделе курса подробно рассказано о жизни и деятельности первоучителей. Касаясь их происхождения и национальности, Щепкин замечает: «Семья Первоучителей принадлежала к служилому классу византийского государства [...]. Вопрос о национальности семьи безразличен. Возможно, что семья была славянского происхождения, но она - по своему положению - давно усвоила греческий язык и византийскую культуру. Во всяком случае, семья Первоучителей, как и большинство служилых греков того времени, была двуязычной [...]. Двуязычность солунян была общеизвестным фактом в Византии. Отправляя Кирилла и Мефодия насаждать христианство в Моравии, император Михаил III сказал им: «Вы солуняне, а все солуняне чисто беседуют по-славянски». Щепкин считает далее, что «Кирилл изобрел славянскую азбуку еще в Константинополе, здесь же совершил он перевод Евангелия (краткого). Очевидно, Кирилл для этого пользовался тем славянским языком, который ему был известен с детства». Профессор высоко оценивает

«природный лингвистический талант» Кирилла, считая, что «изобретенная им славянская азбука по точному и тонкому обозначению славянских звуков – прямо образцовый труд, который под силу не всякому современному филологу, особенно ввиду высокой практичности»¹. Касаясь вопроса о том, какую именно азбуку изобрели солунские братья, Щепкин указывает: «До нас дошли две славянские азбуки – так наз. Кириллица и так наз. Глаголица. Первая, несомненно, заимствована из греческого устава; последняя, как все принимают теперь, – из греческой скорописи. Оба вида греческого письма были употребительны в IX веке, с X в. господствует только скоропись. Прямых указаний на то, которую из двух азбук изобрел Кирилл, мы не имеем, но много косвенных указаний говорит за то, что Кирилл изобрел «глаголицу», а более простая «кириллица» была установлена в Болгарии в X веке, в литературной школе царя Симеона». Что касается названия азбуки, то Щепкин констатирует: «Есть указание на то, что в древности как раз глаголица называлась кириллицей, позднее же это название перешло на ту азбуку, которая вытеснила другую. Обе азбуки почти не различаются друг от друга в обозначении звуков и, видимо, созданы для одного и того же языка, в котором надо видеть язык Первоучителей. По лингвистическому признаку этот язык стоит в ближайшем родстве с современным восточно-болгарским наречи-

---

¹ Щепкин В. История южных славян. С. 118–120.

ем, а не с главными македонскими наречиями современного болгарского языка»¹. Далее Щепкин обосновывает лингвистическими соображениями тезис о том, что язык Первоучителей есть древнесолунское наречие, «ближайшим образом родственное с восточно-болгарским». Таким образом, уже в предреволюционный период русским ученым – как Лаврову, так и Щепкину – был в целом ясен вопрос о хронологическом первенстве глаголицы и о языке первых славянских книг. В советское время некоторые исследователи возвратились к старой точке зрения о происхождении глаголицы и кириллицы², но ныне признано правильным мнение, которого придерживался Щепкин³. Оценивая общее значение миссии Кирилла и Мефодия, Щепкин – в отличие от русских авторов, выдвигавших на первый план проповедь ими христианства и создание грамоты – говорит, что «подвиг Кирилла и Мефодия не исчерпывается грамотой, [...] не исчерпывается и проповедью христианства [...]. Кирилл и Мефодий связали воедино три элемента цивилизации – народный язык, грамоту и христианство; более того, они сделали один из славянских языков общелитературным и тем объединили несколько славянских народов»⁴. Объективное, чисто научное решение вопро-

¹ Там же. С. 144.

² См., напр.: Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963. С. 79.

³ См., напр.: Бернштейн С.Б. Константин-философ и Мефодий. М., 1984. С. 85.

⁴ Щепкин В. История южных славян. С. 115.

сов, связанных с кирилло-мефодиевской проблематикой, вызывавшей большие споры в науке того времени и не утихающие до сих пор, подход к ним без национальных и славянских пристрастий – все это свидетельство того, что Щепкин относится к ученым большого масштаба.

Деятельность Кирилла и Мефодия освещалась Щепкиным на основе первоисточников («житий» и др.), большим знатоком которых он был. Логическим продолжением дела солунских братьев профессор считал развитие славянской письменности, чему и посвятил следующий раздел курса лекций. Кратко остановившись на характеристике среды, в которую перешло «славянское просвещение» после изгнания учеников Мефодия из Моравии, Щепкин констатирует: «Болгария спасает дело Первоучителей и сама становится фокусом славянского просвещения [...]. Большинство учеников Кирилла и Мефодия остались при дворе Бориса, где, по-видимому, и заложили основу той литературной школы, которая расцвела при Симеоне»¹. Правление Симеона лектор характеризует подробно: выделяет политическую сторону симеонова царствования, где говорит о войнах царя, и культурную, значение которой видит в том, что при правлении Симеона в Болгарии и на болгарский язык «были перенесены высшие и положительные стороны визан-

---

¹ Щепкин В. История южных славян. С. 152.

тийской образованности»¹. Писатели симеоновой эпохи создали, как известно, значительный духовный капитал. Из них Щепкин характеризует лишь Иоанна Экзарха. Резюмируя свою характеристику, профессор подчеркивает, что литература той эпохи «не есть бессмысленное подражание, а сознательный и практический выбор из огромной византийской литературы»².

Политическая история после Симеона, начиная с правления царя Петра и до падения Первого болгарского царства, освещается лектором в общих чертах, и в особый раздел выносятся «богумильство». Обращает на себя внимание тот факт, что Щепкин начинал изложение истории богомильства с причин его возникновения. Он видит их в ухудшении положения народных масс в течение VII–IX вв., в «прелатизме» болгарского духовенства, то есть его роскошной и пышной жизни, невоздержанности, корыстолюбии, пренебрежении пастырскими обязанностями. «При таких обстоятельствах, – замечает лектор, – зачатки дуалистических учений, давно свившие гнездо на Балканском полуострове, быстро усилились именно в Болгарии в качестве новой формы социального и национального протеста и широко охватили недавно обращенную (в христианство – Л.Л.) страну»³. Такой подход к освещению богомильства далеко не был еще общепринятым в начале XX в. Распространение «ере-

---

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 170

си» объясняли нередко проникновением в страну армянских проповедников – павликиан. В осмыслении причин зарождения богомилства Щепкину принадлежат большие заслуги, и даже в наше время мало что можно добавить к его выводам. При изложении сущности учения богомилов профессор подчеркивает, что оно, «как всякое народное учение, не опиравшееся на установленную догму, но передаваемое устно в темной среде, быстро дробилось на толки»¹. Таким подходом снимается вопрос о «частичном» или «безусловном» дуализме богомильского учения, на что обращал внимание Лавров. Щепкин говорит: «Главным образом болгарское богумильство делилось на две школы или церкви – Дреговицкая в Македонии и Болгарская; первая оставляла в неприкосновенности старый дуалистический принцип – совместное и исконное господство доброго и злого божества; болгарская церковь смягчала этот принцип, принимая перевес доброго бога над злым – падшим ангелом Сатанайлом». Далее Щепкин разбирает религиозное и нравственное учение богомилов. В последнем он считает особенно важным отрицание «спасительности добрых дел», то есть социальной стороны христианства, видит в этом «главное отличие» богомильской морали от христианской. Весьма убедительно объясняет Щепкин жизнеспособность богомилства вопреки «негативным сторонам» этого учения (отрицание брака, отказ

---

¹ Щепкин В. История южных славян. С. 172.

от трудовой жизни и др.). «Секта, отрицающая естественный брак и труд, — замечает Щепкин, — должна была исчезнуть в одно поколение. На деле мы находим трудолюбивые и многолюдные общины богумилов, которые размножаются и дают государству отличных граждан и плательщиков, проникнутых здоровым национальным чувством, грамотных и храбрых [...]. Как могли богумилы образовать здоровый политический элемент, который становился враждебным государству только тогда, когда подвергался преследованию? Богумилы вошли в компромисс с жизнью, ограничив для всей массы верующих крайности своего социального и аскетического учения, сохранив эти требования во всей строгости только для добровольных аскетов "совершенных"»¹. Закljučая изложение истории богомилства, Щепкин формулирует вывод о роли болгар в этой истории. Он видит ее в том, что болгарский народ собрал воедино дуалистические учения еретических общин Балканского полуострова: «Толчок для этой работы мысли дала болгарскому народу его собственная жизнь; богомилство есть резкий ответ на резкое социальное неравенство и мертвенность официальных византийских форм, оковавших Болгарию. Национальный демократический протест вылился в богомилство»².

---

¹ Там же. С. 175–176.

² Там же. С. 178.

Последний раздел лекций содержит материал о Втором болгарском царстве. Кратко изложив политические события, лектор дает многим из них собственную интерпретацию.

Рассмотренный материал лекций Щепкина явно отличается от того, что излагалось Лавровым. Конечно, за 15 лет, отделяющих эти курсы друг от друга, историческая наука достигла немалых успехов: обнаружались некоторые новые источники, расширились знания о фактической стороне событий и т.д. Но главное достижение историографии заключалось в формировании нового взгляда на исторический процесс, в новом подходе к накопленному историческому материалу. Прогрессивные ученые подвергали его глубокому критическому анализу и логическому осмыслению. Щепкин, хотя и не считался профессиональным историком, подходил к истории Болгарии именно с такими критериями, что и давало ему возможность – в сущности на прежней источниковой базе (например, о богомилстве никаких существенных открытий сделано не было) – по-новому объяснить целый ряд исторических явлений, причины которых были ранее непонятны, не находя удовлетворительного толкования. Поэтому освещение истории Болгарии в лекциях Щепкина было достижением русского дореволюционного славяноведения. Многие оценки, выводы и характеристики Щепкина разделяются и современной историографией болгарской истории, а, следовательно, в деле преподавания этой дисциплины студентам

Московского университета Щепкин сделал большой шаг вперед.

В последние годы перед октябрьской революцией 1917 г. лекции по истории южных славян читал в Московском университете Юрий Владимирович Готье (1873–1943). Он родился в Москве, в 1895 г. окончил Московский университет, где занимался преимущественно историей России. С 1903 г. – приват-доцент по кафедре русской истории. В 1906 г. Готье защитил магистерскую, а в 1913 г. – докторскую диссертацию по истории России XVII–XVIII вв. и стал профессором. Всесторонняя подготовка, которую получали в Московском университете все, избравшие профессорское поприще, позволяла практически каждому специалисту по всеобщей или русской истории читать и курс истории славян. Лекции Готье по этой дисциплине сохранились в литографированном издании.

В отличие от проанализированных выше курсов Лаврова и Щепкина, материал имеет некоторые особенности, о которых сам Готье говорит во введении: «Излагая историю южных балканских славян, я буду рассматривать ее как частный процесс общеевропейской истории, а как специалист по истории русской я буду обращать внимание на связь истории сербов и болгар с историей России»¹. Кроме того, Готье доводит историю южных славян до конца 70-х годов XIX

---

¹ Готье Ю.В. История южных славян (по рукописи профессора). М., 1916. Болгарии отведены страницы 43–140, 170–192, 197, 329–358.

в., а в заключение делает обзор событий до 1915 г. Впрочем, из 383 страниц текста новому времени отводится около 100, остальное посвящено истории южных славян до турецкого завоевания.

Курс начинается характеристикой источниковой базы, далее следует материал о древнейшем населении Балканского полуострова и переселении сюда славян. В отличие от лингвистов Лаврова и Щепкина, уделявших большое внимание языковой ситуации региона, историк Готье ее не касается, зато подробно останавливается на общественном строе заселивших полуостров славян. Затем освещается вопрос о появлении болгар на Балканском полуострове и излагается политическая история на основании новейшей литературы. Вопросу о деятельности Кирилла и Мефодия Готье – в отличие от Лаврова и Щепкина – уделяет лишь малое место. Обращает на себя внимание утверждение, что Кирилл и Мефодий «для перевода св. Писания применяли язык македонских славян [...], близкий к говору славян Мизии», а «славянская азбука, так называемая глаголица [...], была, вероятнее всего, изобретена свв. Кириллом и Мефодием»¹. В лекциях характеризуются государственный и общественный строй Болгарии, землевладение, категории населения и формы зависимости основной его массы в период правления царей Бориса, Симеона и Петра. Изложению истории богомилства в лекциях предше-

---

¹ Готье Ю.В. История южных славян. С. 57–58.

ствуется большой раздел «О происхождении дуалистических сект и их распространении в Европе». Затем освещается учение богомилов, его распространение и причины популярности. «В Болгарии X века было много обстоятельств, могших вызвать раздражение широких слоев общества, – говорит Готье. – Социальный строй древней Болгарии не был ни легким, ни справедливым; в эпоху развития болгарского могущества хорошо жилось только двору, боярам [...], да еще многочисленным представителям клира, полугреческого по происхождению, в большинстве случаев своекорыстному и невежественному; именно эти круги держали в своих руках землю, обрабатывали которую съемщики-арендаторы, постепенно закрепощаемые, и рабы. Крепостное население поставляло в значительной мере и те войска, благодаря которым царь Симеон одерживал свои победы над греками; [...] земледельческое население было и источником финансовых средств, необходимых для военных предприятий Симеона. Таким образом, открывается редкая по своей яркости картина социального неравенства. [...] Богомильская проповедь давала выход народному недовольству»¹.

Как видим, и Готье объясняет возникновение богомильства причинами экономического и социального характера. Новое в освещении им богомильства выражается в тезисе, что через это историческое явление

---

¹ Там же. С. 91–92.

Болгария включается в общеевропейский исторический процесс. «Болгария, – пишет Готье, – где дуалистическое учение позднейшей формации впервые сошло с азиатской почвы, сделалась очагом распространения ереси в Европе. Изучая богомилство, мы раскрываем страницу не только югославянской, но и общеевропейской истории»¹. Особый раздел курса отведен вопросу о культурном влиянии Болгарии на Русь. Оно выражалось, по мнению Готье, в том, что та самая славянская письменность, которая процветала при царе Симеоне, получила господство на Руси с самого момента введения здесь христианства. «К нам были пересажены ранние произведения болгарской литературы, к нам перешли и ее юридические памятники вроде славянской Кормчей и Закона судного людем. Православные священники славянского происхождения и были первыми христианскими миссионерами, перенесшими к нам громадное церковно-литературное наследие симеоновской Болгарии и положившими начало многовековому культурному влиянию югославян на Русь»².

Готье в своем курсе лекций постоянно проявляет интерес к социальной структуре болгарского общества, указывает на состояние разработки важнейших вопросов в литературе, обращая внимание на новые теории, концепции, гипотезы. Приводятся сведения о по-

¹ Готье Ю.В. История южных славян. С. 79.

² Там же. С. 104–110.

литических взаимоотношениях русских и болгар в средние века, о культурных связях на протяжении всего рассматриваемого периода, о политике России и ее взаимоотношениях с созданным в XIX в. болгарским государством. В целом лекции Готье по истории Болгарии отражали достижения русской позитивистской историографии дореволюционного периода. Многие выводы Готье приемлемы и в настоящее время, хотя с тех пор, как он читал свой курс, прошло почти сто лет и, естественно, историография проделала за это время немалый путь.

Анализ лекционных курсов, читавшихся в Московском университете в последнее 20-летие перед Октябрьской революцией, дает основание для ряда заключений о тенденциях изучения истории Болгарии и об уровне знаний, сообщавшихся молодому поколению. Прежде всего, укажем на высокую научность лекционных курсов. Читавшие их профессора были крупными славистами и русистами одновременно, им принадлежит не только изучение, но и открытие многих источников, касающихся древней болгарской истории и культуры; своими исследованиями, критическим обсуждением новых и пересмотром старых аргументов эти ученые и создавали в России историческую болгаристику. В то же время за исследуемое 20-летие произошла смена методологического подхода к истории Болгарии. Если Лавров представлял в основном допозитивистские концепции с элементами романтизма и «славянских пристрастий», то в лице

Щепкина русская болгаристика обрела ученого не только широкой эрудиции, но и большого аналитического таланта, способного к глубоким логическим обобщениям, к трезвой и объективной оценке исторических явлений. Если курс Лаврова сообщал много конкретных фактов, то лекции Щепкина, отмеченные, правда, некоторыми лингвистическими увлечениями, заставляли студентов размышлять, учили анализу и обобщениям. Лекции Готье, кроме уже упомянутых их достоинств, ценны материалом о болгарско-русских культурных отношениях. В целом студенты Московского университета в рассматриваемый период получали практически все основные сведения по истории Болгарии, которыми располагала современная им наука, как и данные о развитии самой болгаристики. Нам представляется, что за пределами Болгарии не было прецедента столь высокого интереса и столь квалифицированного освещения древней болгарской истории, как это имело место в русских университетах, в частности – в Московском.

×

Преподавание истории славян в Петербургском университете

×

Вторым центром развития университетского славяноведения в России был Петербургский университет. В отличие от Москвы (с ее славянофильскими кружками, газетами и журналами, с возникшим в 1858 г. Славянским благотворительным комитетом, с традициями культивирования всего старорусского и славянского), Петербург был центром западничества. Для идейной атмосферы значительной части петербургского общества было характерно индифферентное отношение к славянству. Петербургский университет воспитал многих деятелей западничества. Были, конечно, и исключения (например, В.И. Ламанский), но они не меняют общей картины. Интересную характеристику петербургской общественной атмосферы по отношению к славянофильству оставил А.Н. Пыпин в сообщении о магистерском диспуте В.И. Ламанского. «На этом защищении, – пишет А.Н. Пыпин, – оказалось, между прочим, что петербургские ученые обнаружили заметную холодность к славянофильскому вопросу, весьма резко выставленному г. Ламанским;

москвичи нас уверяли, то явись диссертация в Москве, она возбудила бы несравненно больше и возражений, с одной стороны, и одобрения – с другой. В самом деле, славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и оно ближе принималось к сердцу и друзьями, и врагами; в здешней же столице книга В.И. Ламанского не произвела впечатления, которого можно было ожидать»¹.

Первым профессором-славистом Петербургского университета был П.И. Прейс, ученый с ярко выраженной западной ориентацией, враждебно относившийся к славянофильству. Сменивший его в 1847 г. И.И. Срезневский имел тесные контакты со многими зарубежными славянами, симпатизировал славянству, но к славянофилам не принадлежал.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880)² и был по существу тем ученым, при котором происходило становление университетского славяноведения в Петербурге. Он принадлежал к числу крупнейших русских славистов XIX в. и представлял первое поколение профессоров – зачинателей новой науки и дисциплины в высшей школе. Своими трудами в области филологии, этнографии, палеографии, археографии и

---

¹ Пыпин А.Н. Новые славянские исследования [о кн.: В.И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании] // Современник. 1860. №4. С. 309.

² Литература о Срезневском обширна. Наиболее полные биографические данные см.: Памяти И.И. Срезневского. 1. Пг., 1916.

других отраслей славяноведения он внес большой вклад в развитие науки о славянах.

Основы этой науки он прошел у П.Й. Шафарика, В. Ганки и других ученых – деятелей чешского национального возрождения, а также и в других славянских землях во время своего путешествия в начале 40-х годов. Усвоив романтическое отношение к славянству, господствовавшее в период его молодости, И.И. Срезневский до конца жизни не освободился от некоторых иллюзий. Но, будучи романтиком, Срезневский все же не разделял славянофильских взглядов на славян в их прошлом и настоящем. Политические его взгляды либерализмом не отличались. Крупнейший русский славист был убежденным монархистом, восхвалявшим русское самодержавие и искренне преклонявшимся перед царствующей династией. Видимо, именно консерватизм и политическое ретроградство помешали ученому, проработавшему более 30 лет в Петербурге, где молодежь была особенно чуткой к новому, прогрессивному, создать научную школу своих последователей.

Что же касается специальных знаний Срезневского о славянстве, то они отличались и широтой, и глубиной. Он был знатоком славянских языков, литератур, истории, этнографии, до 1865 г. – единственным преподавателем всех этих дисциплин в Петербургском университете.

В 1865 г. на кафедре славянской филологии этого учебного заведения была дополнительно к профессор-

ской учреждена должность доцента, которую занял В.И. Ламанский, принявший на себя чтение курсов лекций по славянской истории и по истории славянских литератур. И.И. Срезневский же сосредоточился на славянской филологии и палеографии.

Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) окончил Петербургский университет и в 1859 г. защитил магистерскую диссертацию по кафедре славянских наречий. Состоя затем на службе в Государственном архиве МИД в должности старшего архивариуса, В.И. Ламанский хорошо изучил документы по русской истории, а также по внешней политике России до XIX в. и подготовился тем самым к деятельности в области истории. Одновременно Ламанский интересовался и многими другими сторонами духовной и культурной жизни России в прошлом и настоящем, например, составил биографию М.В. Ломоносова, историю Петербургской академии наук в XVIII в. на основании не использованных ранее архивных материалов. Являясь членом Географического общества и секретарем его этнографического отделения, Ламанский много писал по этнографии, редактировал этнографические сборники. Наряду с этим он заявил о себе и как публицист, особенно по славянскому вопросу. Совершив «ученое» путешествие по славянским и другим странам в 1862–1864 гг., Ламанский углубил свои знания по истории и литературе славян, живым славянским языкам. Таким образом, Петербургский университет, зачисляя Ламанского в 1865 г. на долж-

ность доцента по кафедре славянской филологии, приобретал в его лице разносторонне образованного и трудолюбивого специалиста.

Ламанский прослужил в университете до конца XIX в. После защиты докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира» Ламанский в 1871 г. стал экстраординарным, а в 1873 г. – ординарным профессором кафедры славянской филологии, наконец, в 1890 г. получил звание заслуженного профессора, и в 1900 г. стал академиком. Ламанский исследовал славянские языки, литературы, историю, этнографию, археологию, активно интересовался современным ему славянством, был публицистом и общественным деятелем. Его труды по истории славян можно разделить на две группы. Одна из них включает публикацию архивных документов и материалов, вторая – монографии и другие исследования. На славянство Ламанский смотрел как на единое целое и придавал огромное значение той эпохе, когда, по его мнению, «славянское единство было осуществлено на началах народности в единой славянской церкви». Он сожалел, что это единство было кратковременным, что западные и южные славяне, лишившись «национальной опоры в лице единой церкви, утратили свою политическую независимость и подчинились «чуждым народам». При этом, по мнению Ламанского, владычество турок, под властью которых оказались южные славяне, не повлияло на последних в такой степени, как господство немцев над западными

ми славянами. Из всех славянских народов, подчеркивал Ламанский, лишь русский народ создал могущественную мировую державу и тем отстоял все славянство, что и обуславливает особое положение русского народа в славянском мире: только русские могут объединить славянство и вернуть ему политическую и культурную свободу. Отсюда вытекает и идея Ламанского о признании всеми славянами русского языка как общелитературного и дипломатического при сохранении всех остальных славянских языков в пределах «местной жизни» отдельных народов. Русский язык должен был, по мысли Ламанского, заменить у славянских народов немецкий, а в богослужении – латинский (у западных славян). Австрия была, с точки зрения Ламанского, лишь орудием Германии, а конечные цели всех немцев направлены никак не на благо славянства, а на господство над ним. Эти философские построения Ламанского были одним из вариантов славянофильского подхода к истории и современному положению зарубежных славян. Ими и руководствовался петербургский ученый в своей научной, педагогической и многообразной общественной деятельности. По своим политическим взглядам Ламанский был консерватором, сторонником монархической формы правления, защитником русского самодержавия и православия. Это, однако, не мешало Ламанскому осуждать цензуру, считать ее наследием «грубых темных времен», выступать за автономию высшей школы и свободу вероисповедания, осуждать

политику самодержавия в отношении высшей школы и разделять мнения либеральных профессоров, оправдывавших студенческие выступления.

О своей преподавательской деятельности в университете сам Ламанский в 1899 г. писал следующее: «В 1865 г. был избран в адъюнкты, академический год 1868/9 ... провел за границей... с 1869 до 1898 ... непрерывно преподавал в университете. За ... время 1865–1878 Срезневский сверх истории русского языка преподавал славянскую филологию, палеографию и славянские древности, я же в это время читал введение в славяноведение и занимал студентов чтением образцов и отрывков старых и новых произведений различных писателей или памятников народной словесности как на южно- так и на северо-западных языках славянских, читал также отдельные курсы по истории славянских литератур. С 70-х годов я все больше стал сосредоточиваться на занятиях историею и читать ... обзоры источников истории то южно-западных, то северо-западных славянских земель, а затем перешел к чтению об отдельных периодах общеславянской истории. Курсы мои никогда не пользовались большой известностью, но два юриста и несколько филологов были внимательными их посетителями с I до IV курса включительно»¹.

¹ Записка Ламанского «В историко-филологический факультет» [петербургского университета] от 21 сентября 1899 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1545. Л. 8.

О содержании лекций Ламанского можно судить по их литографированным текстам. Так в 1881–1882 учебном году он читал в университете «Историю Чехии и Польши в XV–XVI вв.», в 1883–1884 учебном году – курс «История Чехии, Польши и Венгрии до XIV в.»; от 1895–1896 учебного года сохранился текст лекций «История славян», от 1885 г. – «История чешской литературы». Их содержание свидетельствует о тех самых установках профессора, которые уже описаны выше.

Лекции по истории и литературе славян Ламанский читал не только в университете, но и в Петербургской духовной академии и в Академии Генерального штаба.

Общественная деятельность ученого также была направлена на развитие интереса и внимания к славянам. Он участвовал в организации славянского съезда в 1867 г., в учреждении Петербургского отделения славянского комитета, а затем (в 1876 г.) – в преобразовании его в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество (ССБО), работал в этом обществе, в 1887–1888 гг. был редактором его «Известий», но в самом конце 80-х годов разошелся во взглядах с большинством руководителей ССБО. В 1876–1878 гг. Ламанский был одним из главных руководителей движения в пользу славян; в 1890 г. – основал журнал «Живая старина», где публиковал материалы о славянах.

Ламанский прожил долгую жизнь, в течение которой его взгляды на славянство, как и политические убеждения менялись. Но на протяжении десятков лет воздействие его личности на молодое поколение – независимо от нюансов его мировоззрения – было огромным. Он воспитал большую группу славистов-историков, филологов, историков славянского права. Не все ученики Ламанского разделяли славянофильские убеждения учителя, но из «школы Ламанского» вышел целый ряд крупных ученых, в том числе занимавших славистические кафедры почти во всех университетах России. Его учениками были, например, Ф.И. Успенский, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, М.И. Соколов, Р.Ф. Брандт, Н.В. Ястребов и многие другие.

Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) был первым и единственным ученым, получившим подготовку по специальности «история славян». Хотя этот предмет по уставу 1884 г. преподавался всем студентам историко-филологического факультета Университета, специальной кафедры истории славян не существовало, и история славян читалась в рамках общей кафедры славяноведения. Ходатайствуя о создании специальной кафедры истории славян, Петербургский университет озаботился воспитанием специалиста за границей. Ввиду того, что Н.В. Ястребов представляет собой яркий пример подготовки специалиста-историка за границей, целесообразно остановиться на этом вопросе несколько подробнее.

Н.В. Ястребов родился 10 июля 1869 г. в Ветлуге, небольшом городке Костромской губернии, в семье бедного священника¹. После обучения в духовном училище он поступил в Костромскую духовную семинарию, окончил ее в 1890 г., затем продолжил образование в Петербургской духовной академии, но в 1891 г. перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета. Семья отца была многочисленна, и – как старший сын – Н.В. Ястребов должен был помогать младшим братьям и сестре, зарабатывая уроками. Исключительные способности Ястребова, его трудолюбие и энергия позволили ему блестяще пройти студенческий курс. Он специализировался по кафедре славянской филологии у профессора В.И. Ламанского, который и определил специализацию Ястребова по истории славян. Студенческие сочинения будущего ученого дважды награждались золотой медалью. Одно из них, выпускное, называлось «Ян Амос Коменский», на его основе автор написал позднее статью «Коменский» в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

---

¹ Подробнее см.: Лаптева Л.П. Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии// История и историки 2005. Историографический вестник. М., 2006. С. 212–252.

В 1895 г. Ястребов окончил университет и был оставлен на кафедре славянской филологии для прохождения подготовки к профессуре специально по истории славян. Как отмечают биографы Ястребова, по совету В.И. Ламанского его ученик занялся историей гуситского движения, особенно идейной его стороной. В 1896 г. Ястребов опубликовал по этой теме свою первую статью – «Очерк жизни и литературной деятельности Петра Хельчицкого (из истории гуситства)». С 20 мая по 20 августа 1898 г. Ястребов находился в командировке за границей и, вероятно, впервые посетил Чехию. Однако подробности этой командировки выяснить пока не удалось. В 1899 г. Ястребов сдал магистерские экзамены, и с 1 января 1900 г. был снова командирован за границу, уже как кандидат на замещение предполагаемой новой «кафедры истории славянских народов». Конкретные задачи этой двухгодичной командировки Ястребова изложены в «Инструкции для занятий профессорских кандидатов», а именно в той ее части, которая была составлена В.И. Ламанским для Н.В. Ястребова 17 ноября 1899 г. Здесь говорится, что Ястребов обязан «ознакомиться под руководством опытных ученых Австрийского исторического института со средневековой латинской палеографией и с новейшими историко-критическими исследованиями официальных (документальных) и летописных (также житий святых) источников средневековой истории славянских земель, вошедших в разное время в состав нынешней Австро-Венгерской

монархии... Ознакомиться с живою речью южно- и северо-западных славянских народностей, посетить их страны, войти в личные отношения с их писателями и учеными, ознакомиться с их городской и сельскою жизнью, осмотреть тамошние музеи и библиотеки, соединяя по возможности изучение настоящего с изучением прошлого... Приготовить себе материалы для будущих ученых работ...». Далее Ламанский перечислял научные учреждения и отдельных лиц, к которым Ястребов должен был обращаться за помощью и консультациями.

Ястребов был хорошо подготовлен к выполнению поставленных перед ним задач. Еще в духовной семинарии он овладел греческим, латинским и еврейским языками, знал французский и немецкий, в семинарии и в духовной академии получил специальное богословско-философское образование, так что был вполне способен изучать историю Общины чешских братьев. Эту историю он и предполагал сделать предметом исследования в своей магистерской диссертации.

Но прибыл Ястребов в австрийскую столицу в феврале 1900 г., когда заканчивался зимний семестр работы Венского университета, и «все интересные и нужные профессора кончали курсы». Русский магистрант рассчитывал в Вене «послушать курсы: Ягича — по славянским древностям и кирилло-мефодиевскому вопросу, Иречека — по истории южных славян, Томашека — по исторической географии и этнографии Вос-

точной Европы», но сделать этого не удалось. Не попал Ястребов и на курсы по вспомогательным историческим дисциплинам, по источниковедению австрийской истории. «Поэтому я теперь один занимаюсь латинской палеографией по книгам и таблицам», – сообщал Ястребов. В ожидании начала летнего семестра он усердно совершенствуется в немецком языке: зная его теоретически, он не понимал однако живой речи и был «вынужден нанять себе учителя» и вообще тратить «порядочно времени на немецкий язык». Вскоре он мог уже сообщить, что говорит по-немецки «с большой смелостью», и что окружающие его вполне понимают, а это уже «большой плюс».

С началом нового семестра Ястребов в Венском университете стал слушать лекции профессоров В. Ягича и К. Иречка. «Я был у Ягича и Иречка, – информирует Ястребов Ламанского. – Тот и другой приняли меня хорошо, особенно Ягич, последний даже тепло. Расспрашивал о моих ученых планах... Советует больше времени провести в Праге». В следующем письме читаем: «Был я несколько раз на лекциях Ягича и Иречка, ну а второй – так просто мчится... Лекции Ягича очень интересны, я как раз попал на характеристику источников по западно-славянской мифологии». Посещал Ястребов и семинарий Ягича, о чем писал: «Бываю иногда в этом семинарии, узнал кое-кого из студентов, там работающих; хорошее учреждение, какого мы не имеем и Бог весть, когда будем иметь». У Ягича Ястребов прослушал также курс сла-

вянской палеографии, «где знаменитый славист доказал параллельное кириллице развитие глаголицы из греческого письма».

По истории славян Ястребов слушал два курса: К. Иречека – общий курс по истории народов и государств Балканского полуострова со времени появления турок в Европе, и того же профессора специальный курс – о Константине Порфирогенете и его сочинениях. Особенно интересовали Ястребова в лекциях Иречека сведения об источниках по южнославянской истории. Занимался русский магистрант у Иречека и в семинаре. Ястребов считал Иречека «отличным человеком», добавляя: «Не будь он так скромн, я думаю, он имел бы очень большое имя в ученой Европе». Отметим, Ламанский констатировал, что будучи в Вене, он слышал о Ястребове «прекрасные отзывы от венских профессоров и академиков И.В. Ягича и К.О. Иречка». Вполне соответствует этому свидетельству и текст одного из писем К. Иречека: «Г-н Николай Владимирович Ястребов здесь всем понравился своим знанием и трудолюбием. Он усердно занимается в Институте австрийской истории, который с своей библиотекой и сбирками* снимков – одно из лучших заведений нашего университета».

По австрийской истории Ястребов слушал курс профессора Редлиха об источниках частного характера («Privaturkunden») и занимался в его же семинаре.

---

* Коллекциями.

«Курс этот, а равно и семинарские работы по этому отделу дипломатии, - говорится в оценке Ученым комитетом министерства народного просвещения деятельности Ястребова, – оказались особенно полезными для нашего молодого ученого ввиду отсутствия общего руководства (т.е. пособия. – Л.Л.) по изучению частных документов... Проф. Редлих дал ему не только превосходный курс, который начинался с характеристики документов позднего римского времени и заканчивался эпохой оживления *Urkundenwesen**, заключаая в себе сверх того некоторые экскурсы по частным вопросам документоведения, но и был прекрасным руководителем работ. В Вене же занялся г. Ястребов греческой палеографией, хотя в этой области ему пришлось ограничиться изучением книг Томпсона и Ваттенбаха».

В течение всего периода пребывания в Вене Ястребов работал в *Institut für österreichische Geschichtsforschung*, возглавлявшемся тогда профессором Мюльбахером. Этот ученый встретил молодого русского магистранта «очень приветливо», показал ему «институт, библиотеку, коллекции снимков, медалей, печатей», причем Ястребов «был поражен виденным, ибо ожидал встретить нечто более скромное, к чему привык на родине». Ястребову были созданы все условия для занятий вспомогательными историческими дисциплинами. «Работать очень трудно, – за-

---

*Источниковедение, изучение документов (нем.).

мечает он. – Я, как и другие участники, имею особый стол и все нужные книги. Теперь у меня под рукой кроме старых книг по латинской палеографии – Ваттенбаха, Паоли (перевод с итальянского) и франц. Пру (Prou), две новые: Chanoine Reusens «Elements de Paléographie» 1899, и чешская «Učebna kniha paleografii latinské» 1898, Фридриха, заместителя Эмлера в Пражском университете (последняя – очень хорошая вещь, плод занятий Фридриха в Институте)».

Книга Г. Фридриха явилась для Ястребова одним из важнейших пособий в занятиях латинской палеографией. Он сообщал: «Внимательно прочитав книгу Фридриха (чешскую), я попутно смотрю новейшую Reusens'a, читаю, т.е. разбираю таблицы Арндта-Тангля». Посещая занятия Мюльбахера по латинской палеографии, Ястребов отмечал, что «латинской палеографии славянских земель здесь в Институте выучить нельзя, нужно самому», и что даже в чешской книге Фридриха «эта сторона дела почти совсем не затронута». Для выполнения программы нужных ему палеографических штудий Ястребов решил пойти в Hofbibliothek, где есть «чешские (латинские) рукописи и грамоты довольно старые». «Так вот и засяду за чтение» – резюмирует он. Хронологию Ястребов также изучал самостоятельно «по Гротефенду, который издал недавно свой Taschenbuch*».

---

* Карманная книга (нем.).

Кроме латинской палеографии и дипломатики Ястребов изучал и греческую палеографию. В целом, пройдя два семестра в венском Institut für österreichische Geschichtsforschung, Ястребов получил по латинской палеографии и всем трем отделам дипломатики такую подготовку, которую, по его мнению, получали в России даже не все «всеобщие историки».

После года занятий в Венском университете Ястребов в феврале 1901 г. прибыл в Мюнхен, где в течение трех месяцев занимался под руководством профессора Крумбахера. Задачей русского ученого было изучить сочинения византийских писателей, «поскольку они имеют отношение к исследованию истории балканских славян». «Семинарий проф. Крумбахера, где сосредоточены все существенные пособия для таковых занятий и дана полная возможность ими пользоваться в полной степени, удовлетворял моим нуждам», — писал Ястребов в отчете. Он характеризовал Крумбахера как «превосходного руководителя», причем добавлял, что это качество «сказывается в нем не только при семинарных занятиях, но и во время лекций, где он умеет делать слушателей участниками научной работы». Но Ястребову, к его сожалению, не пришлось в желаемой мере познакомиться с лекциями «известного византиниста», так как их характер был слишком далек от интересов русского историка, который был вынужден заниматься лишь самостоятельным чтением текстов греческих историков и хрони-

стов («хронографистов», так как писал он сам). Основными пособиями ему служили соответствующие разделы в книгах Крумбахера «Geschichte der byzantinischen Literatur» и «Appendices» Э. Гиббона к «Истории падения Византийской империи». За три месяца пребывания в Мюнхене Ястребов успел изучить византийских хронистов, от Прокопия до Кекамена, и «отдел хронографий». Таким образом, в Мюнхене Ястребов существенно пополнил свое образование по истории южнославянских народов. Когда в середине мая 1901 г. он прибыл в Прагу, это был уже вполне подготовленный к самостоятельной работе молодой ученый, освоивший современные ему методы исследования палеографического и дипломатического материала, всесторонне осведомленный о состоянии науки в области изучения истории Восточной Европы.

С самого начала Ястребов рассчитывал пробыть в Чехии «целый год с выездами», а впоследствии он писал, что «около года работал в библиотеках и архивах Праги, собирая материалы для самостоятельных работ».

В Праге Ястребов основное внимание уделял работе над собиранием материала для своей диссертации по истории Общины чешских братьев. Неверно утверждение К. Крофты, В. Францева и Я. Бидло, будто бы Ястребов проходил курс в Пражском университете, где был «учеником проф. Голла». Сам Ястребов писал об этом так: «Масса работы, предстоявшей мне,

и сравнительно ограниченное время, оставшееся в моем распоряжении, не позволили мне систематически слушать лекции профессоров Пражского чешского университета по интересным для меня дисциплинам; только у профессора Голля я присутствовал при разборе одного темного факта из истории Оттокара II (2-й крестовый поход в Пруссию) – в превосходно организованном и руководимом им историческом семинарии». В литературе есть еще сведения о том, что Ястребов слушал лекции профессоров чешского Пражского университета И. Калоусека, Я. Голла и Я. Челаковского, но это, конечно, не означает, что Ястребов был «наполовину воспитанником философского факультета чешского университета», как утверждал Я. Бидло. Нет сомнений в том, что Ястребов получил огромную пользу от общения с чешскими учеными, но все же он был воспитанником Петербургского университета, а научную подготовку получил прежде всего в Вене, школу которой прошли и многие чешские ученые, а также и в Мюнхене.

Стремление Ястребова понять и объяснить происхождение Общины чешских братьев влекло его «в глубь XV в. – к Рокицане, таборитам и особенно – Хельчицкому», заставляло разыскивать и изучать и братскую литературу, и полемические сочинения против нее в библиотеках и архивах Праги, Брно и Оломоуца. Так, в музее Чешского Королевства он изучал фолианты Гернгутского братского архива (по копиям), в Земском и Городском пражских архивах про-

сматривал материалы документального характера, в библиотеке Пражского университета изучил некоторые рукописи, например, «O obnovení cěrkve» брата Лукаша, а также старопечатные братские книги. В библиотеке Святовитской капитулы Ястребов читал и переписывал трактаты Хельчицкого из кодекса D 82. Часть этих трактатов в отрывках была уже издана профессором Я. Роллом, но многие еще оставались неопубликованными. Во время этих изысканий Ястребов обнаружил трактат «O původu Jednoty bratrské», переписал и исследовал его и пришел к выводу, что перед ним – сочинение XVI в., написанное Яном Благославом и считавшееся утерянным.

Здесь же, в Праге, Ястребов подготовил текст трактата к печати, написав к нему обширное введение, в котором доказано, в частности, авторство Благослава, и отослал работу для публикации в Россию. Статья Ястребова о трактате Благослава вышла и в чешском журнале.

Углубление Ястребова в историю гусизма привело его к мысли, что учение общины чешских братьев невозможно объяснить без анализа творчества ее духовных отцов – Хельчицкого и Рокицаны. Русский историк временно отложил «обследование учений и установлений Общины» и сосредоточился на произведениях Хельчицкого. «Наиболее времени и труда, – писал Ястребов, – пришлось мне употребить на установление в возможной полноте всех произведений Хельчицкого, на их внимательное чтение и списыва-

ние». В это же время у русского ученого зародилась мысль об издании наиболее выдающихся произведений чешского мыслителя XV в. Ястребов проштудировал 10 трактатов Хельчицкого в одном из кодексов Святовитской капитулы, 11 произведений того же автора в кодексе архиепископской библиотеки в Праге. Результатом было открытие некоторых новых произведений мыслителя, что оказалось возможным благодаря выяснению особенностей различных редакций и списков ряда рукописей и внутреннего анализа текста. Ученый обследовал также гуситские трактаты и хроники, издания сочинений Виклефа для выяснения литературных источников Хельчицкого и соотношения его идей с учениями его предшественников и современников.

Молодой русский славист работал в пражских архивах и библиотеках с большим усердием и самоотверженностью. К. Крофта вспоминал, как Ястребов целые дни просиживал в Земском архиве над гуситскими рукописями, полученными для него из других хранилищ. В этот период Ястребов установил дружеские отношения со многими чешскими учеными — профессорами университета в Праге, архивными работниками и другими представителями чешской научной интеллигенции. Чешские ученые оказывали Ястребову всяческую помощь, не только давая ему консультации, но и участвуя в разыскании рукописей, организуя их доставку в Прагу и из других городов Чехии, а также из Вены и даже из Италии. Ястребов в

отчете писал: «В своих занятиях я повсюду встречал самый лучший прием и полную готовность сделать все возможное – до открытия для меня собраний, которые существуют как собрания частного характера. С особой признательностью могу назвать проф. Я. Челаковского, который всегда доброжелательно идет на помощь русским исследователям».

Из Праги Ястребов выезжал и в другие славянские страны. Летом 1901 г., когда закрылись пражские библиотеки, ученый совершил полуторамесячное путешествие по Хорватии, Словакии и Галиции. Впечатления об этих землях изложены в его письмах разным лицам.

Научная командировка Ястребова окончилась 1 июля 1902 г. Уезжая в Россию, он почти уже подготовил к печати несколько глав своей диссертации. Но окончание работы о Хельчицком затянулось. Ястребов был зачислен приват-доцентом Петербургского университета, где и стал преподавать историю славянских народов. Одновременно он – ввиду недостаточности средств к существованию – работал также преподавателем истории в некоторых петербургских гимназиях. Тогда же Ястребов активно включился в работу 2-го отделения Академии наук, участвуя в составлении библиографических изданий по славяноведению, рецензируя труды по истории славян, как в органах Академии, так и в других журналах. Во время Предварительного съезда русских филологов (1903) Ястребов работал секретарем этого форума. Он участ-

вовал также в издании ряда сборников статей по славяноведению, писал статьи в энциклопедии и т.д.

В 1908 г. вышла из печати книга Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком и его времени», которую автор представил к защите в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации. Защита состоялась 12 октября 1908 г., Ястребову была присуждена степень магистра славянской филологии. В том же году он был избран профессором истории славянских народов на Петербургских высших женских курсах, а с 1911 г. стал профессором и Высших женских историко-литературных курсов Раева. Научная и преподавательская деятельность Ястребова была столь плодотворна, что Петербургский университет ходатайствовал о возведении приват-доцента Ястребова в звание экстраординарного профессора по кафедре славянской филологии сверх штата, так как штатной должности не было. По университетскому уставу 1884 г. Ястребов, не имевший ученой степени доктора, не мог быть назначен профессором университета, но ввиду преподавательских способностей и активной научной деятельности Ястребова император Николай II сделал исключение и удовлетворил ходатайство историко-филологического факультета, утвердив 15 февраля 1915 г. Н.В. Ястребова сверхштатным экстраординарным профессором Петербургского университета. 17 октября 1918 г. Ястребов был введен и в звание ординарного профессора, однако в этой должности ему пришлось пробыть недолго. Вскоре

университет был расформирован, а Ястребов стал профессором кафедры всеобщей истории словесно-исторического отделения педагогического факультета Второго государственного петроградского университета. Получив от Комиссариата народного просвещения разрешение на полугодовую заграничную командировку, Ястребов в 1919 г. выехал вместе с семьей за рубеж, но в Россию уже не вернулся.

29 мая 1902 г. Ястребов стал приват-доцентом Петербургского университета. 19 сентября того же года он прочитал вступительную лекцию в Университете. К этому времени он не был новичком в педагогическом деле: уже с 1895 г. работал в гимназиях и других учебных заведениях. Отлично он был подготовлен и для преподавания истории славянских народов: знал все славянские языки и владел историческим материалом на высоком профессиональном уровне. Специалистов, подобных Ястребову, тогда в России не было: все остальные университетские профессора и преподаватели должны были распределять свое внимание между историей, филологией и другими дисциплинами. Впрочем, и Ястребову приходилось практически преподавать чешский и польский языки специа-

лизировавшимся по славянской истории студентам. Но все же основным предметом университетских чтений Ястребова была история всех западных и южных славян. Сохранившийся литографированный курс его лекций содержит большой раздел по истории древних славян, материал по истории полабско-балтийского славянства, а основное место в нем уделено истории «чехо-моравского народа». Но понимая значение Польши для истории России, ценя вклад польского народа в общечеловеческую культуру, Ястребов уделял Польше очень значительное внимание. Лекции по польской истории он читал не реже, чем по чешской, хотя текст их не был издан.

В целях успешного усвоения слушателями обширного материала польской истории Ястребов организовал и редактировал переводы трудов польских историков. Так, с его предисловием вышел в русском переводе «Очерк истории общественно-государственного строя Польши» С. Кутшебы и труд О. Бальцера «К истории общественно-государственного строя Польши». Последняя книга представляла собой обширную рецензию на сочинение С. Кутшебы, так что читателям предоставлялась возможность ознакомиться с различными точками зрения. Хорошим пособием для студентов была переведенная под редакцией Н.В. Ястребова книга В. Грабеньского «История польского народа»; а сам Ястребов дважды издавал собственную работу «Краткий очерк истории польского народа».

Читалась Ястребовым и история южных славян. Здесь он главное внимание уделял истории Болгарии и Сербии. В качестве пособий Ястребов рекомендовал книгу К. Иречека «История болгарского народа», сочинение А.Л. Погодина «История Болгарии» и другие работы. Кроме того, Ястребов издал свой очерк по истории Болгарии, где особенно основательно, на базе источников, разработал в первую очередь период до турецкого завоевания. К. Иречек в статье, посвященной обзору новых работ по истории Болгарии, писал о варианте этого очерка, помещенном в энциклопедии (впоследствии очерк вышел и отдельно, в значительно увеличенном объеме): «Наилучшим является составленный Ястребовым подробный обзор болгарской истории до 18 века с особым учетом внутренних отношений. Этот очерк вышел в русском издании словаря Брокгауза».

Досконально знал Ястребов и сербскую историю, о которой также писал статьи в энциклопедии, издавал и тексты источников для педагогических целей.

Наряду с чтением лекций, Ястребов организовал практические занятия, что было в то время нововведением. Начатый в 1904 г. частными занятиями по истории гусизма с группой слушателей, этот семинар после введения предметной системы преподавания, вошел в круг остальных семинаров по истории. Темами разбора являлись, например, вопросы из области польской политической литературы реформационной эпохи (семинар 1908–1909 учебного года), памятники

юридического быта Польши, документы по истории развития привилегий польской шляхты в конце XIV – начала XV вв. (семинар 1907–1908 и 1909 г.). В ходе семинаров студенты получали задания на разработку тех или иных тем. Так, один из слушателей семинара Ястребова, студент Плотников, получил золотую медаль за сочинение «А. Фрич-Модржевский и Эразм Роттердамский» и напечатал две статьи на эту тему. Для своих семинарских занятий Ястребов издал литографированный сборник латинских документов по истории польской шляхты.

В семинаре 1911–1912 и 1912–1913 г. Ястребов изучал со студентами «кирилло-мефодиевский вопрос». С целью углубления знаний по нему ученый в 1911 г. опубликовал пособие для студентов, содержащее источники о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. В печати был высказан ряд критических замечаний по этому изданию, но пособие было по своему предмету единственным в то время в России и достаточно полным; оно принесло студентам несомненную пользу.

В семинаре 1913–1914 г. Ястребов изучал со студентами Законник Стефана Душана. Для усвоения этой темы было издано специальное пособие. Заслужкой Ястребова было и оборудование помещения славянского семинара в декабре 1906 - январе 1907 гг., отделение его от семинара славянорусского, организация работы по образцу чешского семинара в Праге: у каждого студента было отдельное место для заня-

тий, для хранения книг и бумаг. Ястребов приложил много сил для создания библиотеки для своего семинара. Он обращался к русским и иностранным ученым и к целым научным учреждениям с просьбой помочь книгами. Так, в 1907 г. он направил следующее письмо первому отделению Чешской академии: «Подписавшемуся было поручено позаботиться о создании и комплектовании чешского отдела библиотеки славянского семинара в императорском университете в Петербурге, который обеспечивал бы студентов этого университета литературными пособиями для изучения чешской истории, чешского языка и чешской литературы. Ввиду того, что дотации для этой цели далеко недостаточны для закупки всех произведений чешской литературы, я обращаюсь к славному первому отделению Чешской академии с убедительной просьбой по возможности прислать библиотеке славянского семинара императорского Петербургского университета все имеющиеся публикации и не отказать в присылке указанному семинару всех будущих своих публикаций». Аналогичное письмо было послано 9 июля 1907 г. и Чешскому обществу наук.

В 1908 г. Н.В. Ястребов писал киевскому профессору-слависту Т.Д. Флоринскому: «Пользуюсь случаем попросить Вас о высылке в библиотеку организованного у нас славянского семинара всех Ваших еще имеющихся у Вас трудов». Приблизительно в это же время Н.В. Ястребов в письме к проф. Й. Пекаржу выражает надежду, что последний организует при-

сылку в Петербург – для семинара по истории славян – журнала «Чески часопис хисторицки». «Может быть, Вы нам пришлете и то, что можно, за предшествующие годы, в том числе и за 1907», – добавляет Ястребов. Он выписывал книги для семинара и через славянские магазины. Поступила в семинар и замечательная библиотека престарелого В.И. Ламанского с ценным подбором славянских книг. Ястребов был одним из последних учеников профессора, пользовался его расположением, что и способствовало передаче библиотеки в распоряжение семинара.

Как преподаватель, Ястребов был не только высоко эрудированным специалистом, но и активным борцом за расширение преподавания истории славян в университетах России, против всякого ущемления этого предмета в системе обучения молодого поколения. Он считал «прискорбным» тот факт, что «несмотря на признание истории славян самостоятельной дисциплиной университетским уставом 1884 г., она не получила (в силу финансовых соображений Государственного совета) самостоятельной кафедры»; что часто история славян «считается предметом второстепенным» и что «не только среди студентов распространен взгляд на историю славянских народов как на нечто такое *minderwertig** сравнительно с изучением романо-германского запада». Ястребов подчеркивал также, что хотя в Петербургском университете исто-

---

* Неполноценное (нем.).

рия славян с 1906 г. отделена от других исторических дисциплин (древней истории Востока, всеобщей истории средних веков и нового времени, истории России), но факультет отнес ее лишь к курсовым экзаменам, а не к государственным – как остальные исторические дисциплины. Это высказывание Ястребова свидетельствует о том, что в первые полтора десятилетия XX в. ни общественность, ни университетские круги России не придавали большого значения изучению истории славян в системе высшего образования, чем можно объяснить и тот факт, что Ястребов, специалист высокой квалификации, да и единственный в своем роде, не мог обеспечить себе существования работой только в Университете и вынужден был дополнительно зарабатывать на хлеб другими средствами, в том числе и уроками в гимназии. В 1911 г. он имел 14 лекций в неделю в высших учебных заведениях (в Университете, на Высших женских курсах и Историко-литературных курсах Раева) и, кроме того – еще шесть уроков в неделю в качестве штатного преподавателя гимназии. Такая загруженность и была, видимо, одной из причин того, что Ястребов так и не завершил работу над докторской диссертацией, которая была задумана как продолжение магистерской. Да и в целом литературное наследие Ястребова не очень велико.

※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※

Преподавание истории славян в Университете св. Владимира в Киеве

※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※※

Киевский университет, созданный в 1833 г. на базе закрытого после польского восстания 1830–1831 гг. Кременецкого лицея, отличался от других университетов Российской империи рядом особенностей. Прежде всего, основой его студенческого состава были лица польской национальности и католического вероисповедания. В связи с этим здесь в 1834 г. был образован лекторат польского языка. Кроме того, в первое десятилетие существования университета среди профессоров также преобладали поляки. С одной стороны, это обстоятельство способствовало развитию интереса к польскому языку и литературе, с другой же, не обеспечивало выполнения основной задачи царского правительства в России – создать в Киеве русский университет. В 1839 г. по политическим мотивам (раскрытие тайного общества польских студентов) Киевский университет был закрыт, а в 1842 г. получил новый устав, по которому предусматривалось

создание кафедры славистики; однако заместить ее долгое время не удавалось за отсутствием «достойного претендента», то есть такого, который бы устраивал министерство народного просвещения. Были даже проекты приглашения профессора-слависта из-за границы, однако и они не реализовались. В 1847 г. преподавателем кафедры истории и литературы славянских наречий был, наконец, утвержден В.Я. Яроцкий (1824–1897), который в 1844 г. окончил Главный Педагогический институт в Петербурге, а затем в течение целого года совершенствовался в славянской филологии. В 1846 г. Яроцкий защитил диссертацию по греческой словесности, в 1856 г. стал экстраординарным профессором по славистической кафедре и продолжал свою деятельность в Киевском университете до 1875 г. Он преподавал историю и литературу славянских наречий, объяснял памятники древнерусской письменности, западно-славянских наречий, грамматику старославянского и церковнославянского языков и славянские древности. Научной активностью Яроцкий не отличался, как и оригинальностью преподавания. Не найдено пока сведений о том, сколько студентов посещало его лекции, но, вероятно, их было немного. Славистика не пользовалась большим успехом среди студентов, в числе которых продолжал оставаться высокий процент поляков. Этот элемент, неблагонадежный с точки зрения правительства, был склонен больше к «брожению»,

чем к наукам, а когда началось польское восстание 1862–1863 гг., польские студенты ушли в ряды повстанцев, и аудитории Университета опустели. Но все же, в 50-е годы, судя по отчетам кафедры, Яроцкий читал по пособиям западно-славянских ученых курсы по истории и литературе старославянского, болгарского, чешского, польского и серболужицкого языков, а также лекции по славянским древностям, в том числе на темы «Географическое обозрение древних славян» и «Быт чехов и словаков в VIII–X вв.». Некоторые предметы, такие, например, как сравнительная грамматика славянских языков, вообще не преподавались. Но положение коренным образом изменилось с приходом на кафедру профессора А.А. Котляревского, организовавшего, в сущности, заново изучение предметов славяноведения.

Александр Александрович Котляревский (1837–1881)¹ был одним из лучших, одареннейших филологов, историков и славистов России XIX века. Знаток древнего быта и культуры славян, мифологии, средневековой романской и германской письменности, блестящий публицист и критик. Котляревский стал один из подвижников сравнительного метода исследования прошлого славянских народов и своими трудами значительно продвинул вперед науку о славянах. Он был

---

¹ Подробно см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 496 – 549.

хорошо известен в ученом мире своего времени, а после смерти Котляревского было издано собрание его сочинений.

А.А. Котляревский окончил Московский университет, где обучился славяноведению у Бодянского, но стал последователем Ф.И. Буслаева. Уже в студенческие годы А.А. Котляревский проявил блестящие способности, но в 1862 г. был арестован по подозрению в антиправительственной деятельности и подвергнут продолжительному тюремному заключению. За отсутствием состава преступления он был освобожден с запретом поступать на службу по учебному ведомству и до 1869 г. находился под полицейским надзором. Только в 1862 г. Котляревский получил степень кандидата в Петербургском университете, а в 1867 г. – разрешение поступить на службу по учебному ведомству, однако лишь в Дерптский университет, где распространение передовых идей, по мнению властей, не представляло опасности «ввиду направления тамошнего общества». В 1868 г., получив степень магистра славянской словесности за диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян», А.А. Котляревский был назначен экстраординарным профессором русского языка и славянского языкознания в Дерптском университете. Получив затем степень доктора в 1874 г., А. А. Котляревский в 1875 г. стал ординарным профессором по кафедре славянской филологии в Киевском университете.

А.А. Котляревский был славистом нового типа. Получив образование в Московском университете, он не только не усвоил славянофильских взглядов (подобно другим ученикам Бодянского), но и выступил с критикой славянофильства. Котляревский глубоко изучил новейшую европейскую, преимущественно немецкую (в то время самую передовую) филологическую науку. Он усвоил сравнительный метод исследования и применил его для широкого изучения славянства и русской народности. В отличие от некоторых своих предшественников, ограничивавшихся случайными знаниями, он поставил изучение исторических судеб славянства, а также русской словесности на твердую почву, придал соответствующим дисциплинам систематический характер. Будучи широко и разносторонне образованным ученым, А.А. Котляревский изучал язык, этнографию, археологию, историю литературы славян, их мифологию, памятники письменности, религию, историю и т.д., подвергая исторические и другие источники сравнительному анализу. В трудах Котляревского о славянстве наблюдается зарождение комплексного использования исторического материала для научных выводов. Научному методу Котляревского свойственно стремление строить исследование на реальной почве источников, скептическое отношение к гипотетическим толкованиям и соображениям. Трезвостью отличалось и отношение Котляревского к современным ему славянам, среди которых он подолгу жил (особенно в Праге). Сочувст-

вуя их угнетенному положению, видя и признавая их достоинства, Котляревский не впадал в крайности критики «германизма» и с полной объективностью, высоко оценивал достижения немецкой науки, ее значение для культурного развития славян. Ученый оставил после себя более ста работ, и каждая из них была плодом огромного труда и учености, а большинство — и новым словом в науке о славянах. Характерно, что, рецензируя его сочинение «О погребальных обычаях языческих славян» (1869), чешский ученый И. Гануш писал: «Это сочинение превосходно, и я не знаю, можно ли указать в любой литературе другое сочинение, которое бы могло быть поставлено наряду с сочинением г. Котляревского. Знакомство со всею литературою, касающейся того же предмета, проявляется на каждой странице книги, так что русские могут ею гордиться и стать во главе этой отрасли науки»¹.

Заняв кафедру в Киевском университете, А.А. Котляревский организовал преподавание славистических дисциплин и исследование славянства в соответствии с требованиями современной ему науки. За короткое время (он успел сделать лишь один выпуск) профессор прочитал ряд замечательных курсов. В 1875–1876 учебном году их темами были: «Историко-филологическое обозрение славянских племен» (для младших курсов) и «История славяноведения» (для

---

¹ Гануш И. Отзыв о книге г. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян». Отчет о присуждении награды графа Уварова (25 сент. 1869 г.). СПб., 1870. С. 240.

старших). В 1876–1877 учебном году Котляревский младшим курсам «объяснял» Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, а старшим излагал «Введение в науку славянских древностей». В 1877–1878 учебном году профессор занимался с младшими курсами обзором славянских наречий, а со старшими – славянскими древностями и древнерусской письменностью. В 1876–1879 учебном году он читал курсы «Энциклопедия славяноведения» и «История литературы сербов и болгар». Наконец, в 1879–1880 учебном году Котляревским читались лекции на темы: «Общее славяноведение», «Славянские древности», «История славянской литературы». Лекции профессора Котляревского были в высшей степени содержательны, логичны и поучительны. Лектор хорошо владел словом, был остроумен – словом, производил на слушателей глубокое впечатление.

А.А. Котляревский обладал уникальной библиотекой, имевшей самостоятельное научное значение, и его огромное по тем временам книгохранилище было в любое время открыто для студентов. Умер он в 1881 г. от туберкулеза, которым заболел во время заключения в крепости. Блестящий ученый и педагог не создал, однако, собственной научной школы. Его ученик А.И. Степович объяснял отсутствие у ученого прямых последователей тем, что в Киевском университете 70-х годов было очень мало студентов-филологов. «Юноши предпочитали изучать право и медицину». При таких обстоятельствах и в отведенный ему судь-

бой совсем короткий срок А.А. Котляревский не смог принести русской науке и просвещению той пользы, на которую можно было бы рассчитывать при его уме и таланте.

Преемником Котляревского на кафедре славянской филологии в Киевском университете стал Т.Д. Флоринский (1854–1919)¹, ученый иного склада и мировоззрения, нежели его предшественник, внесший, впрочем, своей энергичной и продолжительной научной, педагогической и общественной деятельностью большой вклад в развитие славяноведения в Киевском университете.

В продолжение 35 лет своего профессорства в Киевском университете Т.Д. Флоринский читал лекции, в частности, и по истории Чехии, а также преподавал чешскую литературу и чешский язык.

Тимофей Дмитриевич Флоринский родился 28 октября 1854 г. в Петербурге, в семье священника. Его отец – протоиерей, ученый, автор нескольких исследований по истории церкви и редактор-издатель журнала «Дух христианства», выходившего в 60-х годах XIX в. Т.Д. Флоринский закончил в Петербурге классическую гимназию и в 1872 г. поступил на историко-филологическое отделение Петербургского университета, где специализировался по славистике у профессоров И.И. Срезневского и В.И. Ламанского. В 1876 г.

---

¹ См. о нем: Лаптева Л.П. Профессор-славист Университета св. Владимира Т.Д. Флоринский // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 134–148.

он окончил курс со степенью кандидата и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Главным направлением своей научной деятельности Флоринский избрал историю славянских народов. В овладении методом исследования ему много помогали профессора Петербургского университета – славист В.И. Ламанский и византинист В.Г. Васильевский. С 1880 по 1882 гг. Флоринский читал лекции по истории славян на Высших Женских курсах в Петербурге (так наз. «бестужевских»), а первым крупным его научным трудом была диссертация «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века», защищенная 20 декабря 1881 г. и принесшая автору степень магистра славянской филологии. Эта работа имела значение для освещения как истории Византии, так и истории славян, она принадлежит по своему содержанию и источниковой базе к числу новаторских в русской историографии и до сих пор сохраняет научное значение.

В 1882 г. Т.Д. Флоринский, приняв приглашение Киевского университета, стал в этом учебном заведении доцентом кафедры славянской филологии. В свое первое ученое путешествие за границу Флоринский отправился в летние месяцы 1883 г., причем посетил Болгарию, Сербию, Хорватию, Моравию, Словакию и Галицию.

Фундаментальным трудом Флоринского явились его «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков» (1888). Эта книга, осно-

ванная на новых источниках, отысканных автором в архивах и критически им исследованных, стала выдающимся событием в русском славяноведении. В том же 1888 г. она принесла автору ученую степень доктора славянской филологии, а вскоре Флоринский был утвержден ординарным профессором по уже занимаемой им кафедре. Вся дальнейшая его деятельность проходила в Киевском университете, где он неоднократно занимал должность декана и исполнял другие обязанности, самым активным образом участвуя в университетской и общественной жизни. 20 февраля 1907 г. Флоринский был утвержден в звании заслуженного профессора. К этому времени он написал еще ряд ценных сочинений по истории славян, таких как «Афонские акты и фотографические снимки с них в собрании П.И. Севостьянова» (1881), «Политическая и культурная борьба на греческом востоке в первой половине XIV в. по актам, изданным в Венеции» (1883), «Изучение болгарской народной старины» (1885), «Словенская Матица и её издания»¹ (1886) и мн. др. Работы Флоринского по истории южных славян получили всеобщее признание. Но взгляды Флоринского на задачи славяноведения были весьма своеобразными. Само это понятие он определял как «комплекс разнородных наук, призванных заниматься исследованиями и уяснениями этнической природы и

---

¹ Работа «Словенская Матица и её издания» была опубликована в «Киевских университетских известиях». 1886. №2.

духовного склада как отдельных славянских народов, так и всего славянского племени в старую пору и в новое время», служить «удовлетворению первейших потребностей народного духа, нашего национального самосознания». Флоринский считал, что всестороннее изучение собственного народа может быть полезным лишь при изучении всего «племени». Таким образом, Флоринский ограничивал задачи славяноведения изучением «духа» славянских народов, подчеркивал общее между славянами и замалчивал вопрос о межславянских конфликтах, ни словом не упоминал о социальных проблемах, не говоря уже о классовых. Для конца XIX и начала XX вв. такая точка зрения была отнюдь не нова.

Мировоззрение Флоринского определяло и его политические взгляды. Одобряя существующий порядок, он был проводником официальной политики в области образования и культуры на Украине.

Как известно, между политическими и научными взглядами всякого ученого, даже представителя гуманитарных областей знания, нельзя установить прямой зависимости. Правда, каждый историк подходит к освящению прошлого с позиций своего мировоззрения, формируемого эпохой, условиями жизни ученого. Тем не менее, можно говорить о большей или меньшей объективности изложения исторического материала тем или иным исследователем далеко не только в зависимости от его политических взглядов. В применении же к русскому славяноведению конца XIX – нача-

ла XX вв., достигшему, на наш взгляд, в канун Октября 1917 года успехов европейского значения, приходится констатировать, что эти успехи уживались с политической консервативностью: существовало совсем немного таких славистов, которые приняли бы Октябрьскую революцию и стали сторонниками революционных преобразований; даже представители левых партий, противников самодержавного строя, отнеслись к пролетарской революции отрицательно.

Т.Д. Флоринский же в политике принадлежал к числу правых. Тем не менее, в своей профессиональной области он внес большой вклад в развитие русской культуры. Этот вклад заключается в разработке ряда проблем истории южных славян. Многие её страницы он осветил впервые и на основании им же найденных источников, которые он критически исследовал и осмыслил, сделав выводы, не утратившие своего значения до наших дней. Флоринский был практически зачинателем в изучении славяно-византийских отношений, без освещения которых невозможно понять ни историю южных славян, ни историю Византии. Его научные достижения были высоко оценены в России. В 1898 г. Флоринский был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

История западных славянских народов изучалась Флоринским в меньшей степени. Но, как уже упомянуто, с начала своей педагогической деятельности он читал лекции по истории всех славян, а с конца 80-х годов вёл со студентами практические занятия по ис-

тории славян. «Эти занятия, - пишет Флоринский, - были посвящены чтению и критическому разбору отрывков из важнейших летописцев, содержащих в себе сведения о славянах». Сохранилось несколько программ курсов лекций Флоринского по истории славян. В 1889 г. этот курс включал «Введение» и три части. Первая – «Древнейший период славянской истории (до начала X века)» включает такие темы как происхождение и расселение славян, их быт, нравы и культура, возникновение славянских государств, начало борьбы славян с «романо-германским миром», история Великой Моравии с особым акцентом на деятельность Кирилла и Мефодия. Вторая часть программы посвящена «исторической судьбе юго-западных (южных) славян», а третья – «исторической судьбе северо-западных (западных) славян». В соответствующих лекциях освещалась история полабско-балтийских славян (X–XII вв.) и преподносился «общий взгляд на судьбу чешского и польского народов».

В другие годы Флоринский читал лекции по истории южных и западных славян в XIX в. Из западных славян он наибольшее внимание уделял истории чехов.

Лекции по истории Чехии профессор читал студентам Университета, а также на Киевских высших женских курсах в течение ряда десятилетий, так что киевская учащаяся молодёжь получала сведения по чешской истории практически почти исключительно «по Флоринскому». О содержании этих лекций можно

судить по сохранившимся в архиве рукописям – «Краткий конспект лекций по истории чешского народа» и «Гуситство», а также по литографированному изданию «Пособие к лекциям по истории Чехии».

Флоринский излагал историю Чехии на уровне современной ему науки. Он хорошо знал литературу по чешской истории и использовал её в своей педагогической деятельности. В упомянутом «Пособии» история Чехии излагается от её истоков до 1526 г. и, в соответствии с принятыми тогда в науке взглядами, делится на три периода. Большое место «Пособие» отводит освещению исторических процессов – социальному, экономическому и культурному развитию страны. В целом объективно излагается сущность национальных противоречий и оценивается деятельность выдающихся личностей чешской истории. Так, характеризуя государственно-политический строй Чехии XIV в., Флоринский отмечает, что страна «постепенно превратилась в сословную феодальную монархию, где высшее сословие стремится захватить себе как можно больше прав и в ущерб низшим классам начинает играть в стране крупную роль. Крестьянство же, лишившись земли, оказалось в весьма тяжелом положении политического и экономического рабства, оно очутилось в полной зависимости от представителей крупного землевладения». Обозначив четыре сословия чешского общества, автор останавливается на притязаниях панов: «Паны стараются всячески ограничить власть короля и не дать возможности осталь-

ным сословиям свободно развиваться. Они особенно ненавидели пришельцев – городское население, они не любили немцев-колонистов, которые стремились приобрести право участия в сейме, куда паны не хотели их пустить». Характеризуя деятельность сейма и земского суда, Флоринский останавливается на противоречиях между сословиями и приходит к выводу, что «чешский государь не мог урегулировать борьбы сословий, и сословная монархия, хотя и выдвинула замкнутые классы населения, не создала нормальных условий, способных обеспечить прочное спокойствие страны, так как огромное большинство населения было лишено политических прав». Особое внимание Флоринский обращает на экономическое и социальное положение крестьян: «Почти всей чешской территорией владели паны, - констатирует он. - На их землях жило подвластное им крестьянство: свободное крестьянское землевладение исчезло. Крестьяне, находясь в положении арендаторов панских земель, должны были нести тяжелые повинности: платить подати и налоги, отправлять барщину, т.е. обрабатывать панскую землю. Однако до XIV столетия положение крестьян не было безнадёжным, они имели некоторые гарантии по отношению к владельцам: их никто не мог выгнать с занимаемой ими земли; если известный участок земли продавался, то вместе с ним к новому владельцу переходили и крестьяне. Затем, землевладельцы не имели права произвольно увеличивать платёжные повинности, раз навсегда установленные, и

должны были брать положенный со́лид с плуга земли». Введение немецкого права ввергло крестьян, по мнению автора «Пособия», в экономическое рабство. Из этого тезиса он выводит и причины социальных изменений: «Рабство экономическое в скором времени превратилось для крестьян в социальное, так как пану принадлежало право суда над живущим на его территории населением». Экономическим и социальным «рабством» основной массы чешского населения Флоринский объясняет широкое участие последнего в гуситском движении. Однако, с его точки зрения, не эти факторы были главными: народные массы лишь «выразили сочувствие» и «оказали широкую поддержку» начавшемуся «национальному движению». Именно национальный фактор гуситского движения Флоринский и считает главным, хотя признает также экономические и социальные его мотивы. Более того, весь период чешской истории с конца XIV в. до 1526 г. Флоринский объявляет эпохой «борьбы против утвердившихся латинско-немецких начал и за торжество национальных».

Изложив основные моменты общественного движения в Чехии конца XIV – начала XV вв., которое, впрочем, сводится автором лишь к выступлениям Яна Милича, Матвея из Янова и Томаша Штитного, Флоринский приходит к заключению, что уже в конце XIV в. определилось крайне тяжелое, напряженное состояние чешского народа, которое делало револю-

цию неизбежной: «Политические и религиозные вопросы назрели и требовали своего разрешения».

В оценке деятельности Яна Гуса Флоринский явно сбивается на славянофильские позиции и повторяет тезис о связи учения чешского реформатора с кирилло-мефодиевской традицией, подробно развитой в работах ряда русских ученых.

В целом же деятельность Гуса в истории чешского народа оценивается Флоринским очень высоко. По его мнению, Гус был носителем «лучших нравственных начал», а «его проповедь – возрождение человеческой жизни, основанной на христианском учении, на идее братства и равенства – открывала людям перспективы возможности изменения существующего государственного порядка».

При характеристике гуситского движения после смерти Гуса Флоринский проявил понимание классового характера гуситских партий. Он имел представление о социальном составе чашников и таборитов. С точки зрения ученого, после 1415 г. чешский народ разделился на две группы – умеренную и радикальную. «Умеренных взглядов держался пражский университет, крупные города и пань... Более крайние взгляды разделяла народная масса и мелкая шляхта. Гуситское движение в целом Флоринский оценивает как национальную, социальную и религиозную борьбу за освобождение от иноземного влияния, за социальные реформы и уничтожение сословных различий, за имущественное равенство всех людей и создание

новой церкви, строй которой приближался бы к строю церковной жизни первых веков христианства. Ни о каком стремлении гуситов к православию Флоринский, в отличие от историков-славянофилов, в данном случае не упоминает. Результаты гуситского движения он считает огромными: «Немцы должны были покинуть чешскую землю... Чехи опять стали господами своей страны. Славянская стихия осталась полной владычицей самостоятельной свободной Чехии... Права чешского языка были поставлены высоко». Словом, одним из главных итогов гуситского движения Флоринский считает сохранение чешского этникума, что же касается социальных задач, то, по убеждению ученого, они не были решены революцией. Паны «сохранили свои права, сохранила их и шляхта с городским сословием, что же касается низшего класса, то положение его не только не улучшилось, но, наоборот, ухудшилось».

Таким образом, если отвлечься от непоследовательности в суждениях Флоринского, изложение им гуситского движения в остальном стояло на уровне требований науки того времени.

Т.Д. Флоринский преподавал и на Киевских высших женских курсах, где читал историю славянских литератур. Он также вел со студентами и курсистками практические занятия, состоявшие в чтении и филологическом разборе памятников старославянского языка и образцов живых славянских наречий. Проводились практические занятия и по истории славян –

«чтение и критический разбор отрывков из важнейших летописцев, содержащих в себе сведения о славянах».

В 1900 г. Т.Д. Флоринский организовал в Киевском университете (на историко-филологическом факультете) студенческий научно-литературный кружок для занятий славяноведением.

Варшавский университет

12 октября 1869 г. открылся Университет в Варшаве. По сравнению с другими Университетами Российской империи он имел особый статус. Он занял место бывшей Главной школы, здания которой теперь стали помещениями Университета. В Уставе Университета было указано, что в преподавании, во всех испытаниях, сочинениях, на публичных актах и в делопроизводстве употребляется русский язык. Определяя предметы преподавания на историко-филологическом факультете, Устав усматривал, что лекции польского языка и словесности, а также новейших иностранных языков могут быть излагаемы на их «природном» языке. На ряде кафедр факультета преподавались сравнительная грамматика славянских и других родственных языков, русский и церковно-славянский языки, история русской литературы. Специально утверждалась кафедра славянской филологии, на которой преподавались славянские языки – польский, чешский, сербский и др., история славянских литератур – польской, чешской, сербской и др., славянские древности. Преподавание истории славян как предмет

не предусматривалось. Профессора в своих лекциях могли излагать историю славян как фон, на котором развивался язык, литература и пр. Но для многих русских профессоров славянская история была предметом профессиональных исследований, так что объем исторического «фона» при изложении филологических предметов часто был весьма значительным.

С введения Устава Варшавского университета была отсеяна большая часть работавшего в Главной школе профессорско-преподавательского состава. На 56 членов прежней коллегии сразу же способны были приступить к чтению лекций на русском языке всего 31: все они ранее получили образование в русских Университетах. Из остальных же 25-ти преподавателей, окончивших зарубежные Университеты или Главную школу, признаны были способными продолжать университетское преподавание на русском языке всего трое. На место отчисленных были приглашены профессора и лекторы из Казанского, Харьковского, Киевского университетов, а также некоторые русские ученые, не служившие до этого в высшей школе. В момент открытия Варшавского университета в нем насчитывалось 1036 студентов, в том число 636 учившихся ранее в Главной школе и 400 вновь поступивших. На историко-филологическом факультете обучалось всего 58 человек. Открыть здесь преподавание славистических дисциплин довелось Викентию Ва-

ильевичу Макушеву (1837–1883)¹. В детстве он жил на территории Царства Польского, мать его была полькой, так что Макушев знал и польский язык, и польскую среду. Окончив в 1860 г. Петербургский университет, где он проходил курс славистики у И.И. Срезневского, Макушев жил за границей, затем поступил на службу в Азиатский департамент МИД и в 1866 г. стал секретарем русского консульства в Дубровнике. Зная целый ряд иностранных языков с детства, он в Дубровнике овладел еще итальянским и сербским и, возвратившись в Россию, переключился на научную деятельность. В 1867 г. Макушев защитил магистерскую диссертацию на тему «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника», затем несколько лет изучал архивные материалы в хранилищах Европы, особенно Италии. В 1871 г. Макушев был назначен в Варшавский университет экстраординарным профессором по вакантной кафедре славянской филологии. Вскоре он защитил докторскую диссертацию «Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века» и в 1872 г. стал ординарным профессором.

Будучи ученым разносторонним, Макушев все же преимущественно разрабатывал историю южных славян. Он оставил также труды по истории и литературе западных славян, писал работы о славянских

---

¹ Подробно о Варшавском университете и преподавательской деятельности В.В. Макушева см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 591–748. О В.В. Макушеве – С. 595–668.

языках и памятниках письменности, первым в России обратился к изучению прошлого Албании и издал ценные исследования по истории этой страны до XV в.¹ Работы Макушева по истории строились исключительно на новых, еще никогда не использовавшихся в литературе источниках, крупнейшим знатоком которых он был. Сторонник сравнительно-исторического метода, беспристрастный – когда не касался польско-русских отношений и некоторых других тем – исследователь, Макушев был ранним представителем позитивистского направления в исторической науке в области славяноведения. Все его научные труды отличает не только фундированность источниками, но и относительная объективность оценок и суждений, что принесло ему большой авторитет среди европейских ученых. Политические же взгляды Макушева отличались консерватизмом. Как публицист, он был пропагандистом официальной точки зрения на славянство, сторонником монархической власти и защитником православия. Однако воззрения Макушева отличались не только от либеральных, но и от славянофильских. В отличие от славянофилов, он, например, не считал осуществимой идею принятия всеми славянами русского языка в качестве литературного, не допускал мысли о государственном объединении России с западными и южными славянами, не увлекался и дру-

---

¹ Лаптева Л.П. В.В. Макушев как исследователь средневековой Албании // Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 155–173.

гимии «славянофильскими фантазиями» и говорил о себе, что он «славяновед, но не славянофил».

Преподавание славистических дисциплин в Варшавском университете в период службы там Макушева осуществлялось по трем направлениям. Сам Макушев читал историю славянских литератур в связи с историей народов и языков; доцент (впоследствии профессор) И. Первольф, по национальности чех (1841–1891 ст.ст./1892 н.ст.) специализировал студентов преимущественно по древней истории южных и западных славян и по славянским древностям, т.е. раннему периоду развития славянских народов, их этнографии, ранней письменности, фольклору. Доцент Ф. Езбера, тоже чех (1829–1901), преподавал славянские языки в их различных аспектах (грамматику, фонетику, историю языка). Все эти дисциплины преподавались студентам славяно-русского и исторического отделений историко-филологического факультета. В.В. Макушев с большим вниманием относился к своим курсам лекций. Все они обработаны по источникам. В общих его курсах по истории южных славян много новых материалов, которые он разыскал в архивах. Некоторые лекции Макушева напечатаны, опубликованы и программы его чтений. Они показывают, что каждый год Макушевым преподносился новый или преимущественно новый материал. Так, в 1871–1872 учебном году Макушев читал лекции лишь о южнославянских литературах, а

в 1875–1876 учебном году вся вторая половина курса посвящалась литературам поляков, чехов, словаков, сербов-лужичан. В 1876–1877 учебном году читался отдельно курс чешской литературы до начала XVI в. и специальный курс по польской литературе конца XVIII – начала XIX вв. В 1877–1878 учебном году в программе снова фигурирует литература всех западных и южных славян, заметно увеличен удельный вес разделов по истории народов. В 1878–1879 учебном году читались только литературы западных славян, при этом программа заметно переработана по сравнению с прошлыми годами. Последняя из опубликованных программ – на 1881–1882 учебный год – охватывает вновь все славянские литературы. В.В. Макушев впервые ввел в преподавание славистики студентам Варшавского университета практические занятия. «Вначале, – вспоминал он, – практические занятия шли туго: студенты, пришедшие в университет из Главной школы и привыкшие к господствовавшим в ней порядкам, смотрели на заведенные мною практические занятия как на стеснительные для них; но я не отступал от своих требований, и студенты стали подчиняться им, – сначала неохотно, а потом осознали их пользу и работали усердно». На этих занятиях разбирались тексты исторических источников, и каждый студент обязан был представить в течение года письменную работу на заданную профессором тему, в основном по

славянской истории. На лекциях В.В. Макушев критически оценивал источники и историографию. Читал он, главным образом, общие курсы и в течение двух лет рисовал полную картину истории славянских литератур в связи с историей народа и языка. «В своем курсе, – писал он, – я считал необходимым познакомить слушателей не только со славянскими литературами, но и с историей славян и славянских наречий, потому что последние два предмета не имеют особых преподавателей, и притом в историю славянских наречий я включал славянскую диалектологию, а при изложении истории народа и литературы знакомил со славянскими древностями, которые преподаются небрежно. Таким образом, в течение двух лет в III и IV курсах студенты приобретали у меня энциклопедические познания в области славистики».

Можно констатировать, что крупный ученый Макушев был и вдумчивым педагогом, обеспечивая преподавание славистических дисциплин в Варшавском университете на очень высоком для своего времени научном и методическом уровне. Новая методика преподавания создала Макушеву авторитет среди слушателей, и он за сравнительно короткое время воспитал целый ряд учеников: Х. Ящуржинского, Ф. Вержбовского, В. Качановского и др. Двое последних стали позднее профессорами высших учебных заведений.

В.В. Макушев читал и публичные лекции, материал которых был им опубликован под названием «Очерк истории и современного положения задунайских славян». Из университетских лекций Макушев делал статьи, публикуя их в различных изданиях. В их числе такие работы как «Болгария в конце XII и в первой половине XIII вв.» (1872), «Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI вв.» (1872), «О пронии в Сербии» (1874), «Восточный вопрос в XVI–XVII вв.» (1876), «Общественные и государственные вопросы в польской литературе XV века» (1876), «Следы русского влияния на старопольскую письменность» (1876), «Из чтений о старочешской письменности» (1879), «Станислав Трембицкий, забытый польский поэт» (1878), «Андрей Товианский, его жизнь, учение и последователи» (1879), «Чтения о старопольской письменности» (1881). Эти статьи дают представление о содержании лекционных курсов В.В. Макушева, его общей концепции.

В.В. Макушев умер в возрасте 46 лет. Он был хорошо известен в научном мире Европы, состоял членом ряда южнославянских ученых обществ, а также являлся членом-корреспондентом Российской академии наук.

После смерти В.В. Макушева историю и литературу славян в Варшавском университете преподавал

до конца XIX в. К.Я. Грот (1853–1934)¹. Ученик В.И. Ламанского, он окончил Петербургский университет в 1876 г. Научные его интересы касались прежде всего славяно-венгерских отношений в период появления венгров в Европе. На эту тему он опубликовал работы «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X вв.» (1881, магистерская диссертация) и «Из истории Угрии и славянства в XII веке» (1889, докторская диссертация). По фактическому материалу они не утратили своего значения и до нашего времени. Впоследствии К.Я. Грот уделял внимание разным вопросам исторической и культурной жизни славян и науки о славянах. В конце XIX в. К.Я. Грот считал себя славянофилом старой (московской) школы с ее «романтизмом и демократичностью». Он не разделял взглядов современных ему поздних славянофилов, идеи насаждения среди всех славян православия, русского языка и т.п. И в политическом отношении К.Я. Грот, хотя и верноподданный русского царя, не разделял категоричности и резкости, с которыми выступали в защиту русского самодержавия некоторые его коллеги, например, В.В. Макушев; Грот часто высказывался в духе политического либерализма.

Как исследователь и преподаватель, К.Я. Грот был заметно слабее своего предшественника по кафедре. Что же касается тематики его курсов, то он чи-

---

¹ Подробно о творчестве К.Я. Грота см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 676–699.

тал славянские древности, историю чешской литературы, историю южнославянских литератур, историю литературных связей между Востоком и Западом. Большое место отводилось в этих курсах историческому развитию славянских народов, некоторые лекционные курсы К.Я. Грота изданы¹.

---

¹ Напр.: Грот К. Славянские древности (лекции, читанные студентам ист.-филол. факультета Варшавского университета). Варшава, 1897; Грот К. История чешской литературы (лекции). [Варшава 1898—1899].

Преподавание истории славян в Новороссийском университете

Императорский Новороссийский университет был открыт в Одессе в 1865 г. на базе Ришельевского лицея, состоял из трех факультетов и организован на основании общего университетского устава 1863 г.

Кафедру славянской филологии занял при этом В.И. Григорович, ранее работавший в Казанском университете. Как и в Казани, профессор читал лекции по славянским древностям, языкам и литературам, уделяя внимание и истории славян, особенно южных. В.И. Григорович много сделал для становления славистики в новом Университете, он заинтересовал студентов своими лекциями, «сообщая такие сведения, напр., о положении славянских земель, которые (т.е. сведения – Л.Л.) не могли быть в то время доступны студенту». Сохранились воспоминания учеников Григоровича о методике и содержании его преподавания. «Систематик Григорович был превосходный, – пишет А.И. Маркевич, – и труднейший материал славянских наречий излагал так, что изучение его требовало не много труда; приложенные же образцы – стихотворе-

ния на разных славянских языках... мы положительно все знали наизусть». Известно далее, что особенно высоко ценились студентами лекции по истории славянских языков. Григорович читал историю их изучения, «знакомя с лицами, работавшими по языку, давал художественные образы Добровского, Копитара, Миклошича и др., сообщал немало сведений и о русских филологах... Но когда он переходил к самому изложению церковно-славянского языка, то мы больше знакомились с мнениями Боппа, Потта, Шлейхера, Миклошича, ... а не русских – Востокова».

Такая методика преподавания могла дать хорошую подготовку тем, кто интересовался славянством. Но учеников у Григоровича было мало.

Ученый подарил Новороссийскому университету значительную часть своей уникальной библиотеки по славяноведению и много ценных рукописей. В одесский период своей деятельности (до 1876 г.) Григорович не написал крупных трудов по славистике, но методика преподавания, эрудиция, авторитет одного из зачинателей русского университетского славяноведения привлекали к нему слушателей, стимулировали их занятия.

В 1871 г. В.И. Григорович представил Совету Новороссийского университета кандидатуру А.А. Кочубинского на должность и.о. доцента по кафедре славянских наречий. После чтения вступительной лекции молодой кандидат был утвержден в этой

должности, и с 1872 по 1907 гг. развитие славистики в Одессе связано, главным образом, с его именем.

Александр Александрович Кочубинский (1845–1907), воспитанник Московского университета (окончил его в 1867 г.), прошел курс славяноведения у проф. О.М. Бодянского, однако считал своим главным учителем по этой науке Н.А. Попова и, видимо, именно под его влиянием стал заниматься историей славян. Магистерскую диссертацию на тему «Братья-подобой и чешские католики в начале XVII века» он защитил в 1873 г. Но ученый интенсивно занимался вопросами языкознания. Собрав материал для докторской диссертации во время своих заграничных командировок, он в 1877 г. получил степень доктора славянской филологии за работу «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий». В том же году он стал экстраординарным, а позднее и ординарным профессором по кафедре славянской филологии Новороссийского университета, где преподавал весь цикл славистических дисциплин: читал лекции по славянским языкам – польскому, чешскому, серболужицкому, по сравнительной грамматике, славянским древностям и т.д. Лекции постоянно обновлялись, в преподавание вводились новые курсы – «Введение в славяноведение», «Церковно-славянское языкознание», «Письменная литература славян». Основной дисциплиной своей кафедры Кочубинский считал церковно-славянскую филологию, ставя наряду с ней и курс «Живые сла-

вянские языки в связи с изучением главнейших памятников».

По этим предметам профессор вел семинары. На семинаре по церковно-славянской филологии осуществлялось палеографическое и филологическое изучение студентами древнейших памятников кирилловского и глаголического письма (по изданным текстам), а на семинаре живых славянских языков профессор читал со студентами произведения современных славянских писателей или памятники народного творчества, а затем переходил к изучению письменных памятников старины.

Таким образом, преподавание славяноведения в Новороссийском университете имело филологический уклон: основное внимание уделялось языкознанию вообще, славянским языкам и литературам, древним памятникам. История же славян явно оставалась на втором плане. Но в научном отношении признание получили более исторические труды Кочубинского. Ученый занимался преимущественно историей Чехии. В процессе преподавания он читал в качестве специальных курсов историю южных и западных славян, а в 1903 г. совсем отказался от чтения общих курсов по старославянскому языку, сосредоточившись на чешской и польской истории.

Первой работой Кочубинского по истории славян была магистерская диссертация «Братья-подобои и чешские католики в начале XVII века» (Одесса, 1873). Исследование основано на большом количестве ис-

точников, кратко характеризуемых во введении. Прежде всего это изданные в 1865–1868 гг. памятники, в числе которых *Dekrety Jednoty bratrské*, *Historie Česká* Павла Скалы, *Paměti* Вилема Славаты, а также документы и переписка католической и уtrakвистской консисторий. Кочубинский привлек к работе и сочинения членов Общины чешских братьев (ОЧБ), и ряд других источников. Как отмечал чешский рецензент того времени, русский историк использовал (за редким исключением) «весь доступный материал». Книга делится на две части. В первой рассматривается религиозная борьба в Чехии от возникновения ОЧБ до 1609 г., во второй – от 1609 г. до Белогорской трагедии. Впрочем, с 40-х годов XVI в., полагает Кочубинский, религиозная борьба сливается с политической, а сближение ОЧБ с протестантами дает автору основание рассматривать деятельность Общины в рамках общего лагеря не-католиков в Чехии, особенно после конфессии 1575 г. Автор книги высказывается по всем основным проблемам истории ОЧБ. Идейным вдохновителем ее он называет Петра Хельчицкого, а в оценке фактического основателя Общины – брата Григория – Кочубинский, в отличие от других русских историков, подчеркивает, что в противоположность лютеранству, религии преимущественно аристократической, братское учение было «прежде всего религией простого народа, это верно а ргіогі из основного начала братского учения, требовавшего равенства людей, столь желательного простому человеку; это видно из фактов

тяжелой жизни Общины. Люди простого класса и давали, в основном, контингент для Общины, а пань были дороги как защитники перед властью и покровители поселившихся на их землях братьев». Кочубинский указывает, что к началу XVI в. Община «совмещала в себе» 10% всего чешского населения, и приводит данные чешского ученого А. Гиндели, который насчитывал в Общине 300–400 тыс. братьев в Чехии и 100 тыс. в Моравии. Историк ясно, что столь внушительное число членов ОЧБ, пусть даже несколько преувеличенное, не могло быть представлено только «высшими образованными классами» или вообще каким-то одним слоем населения в рассматриваемый исторический период. С этим суждением нельзя не согласиться. Любопытны заключения автора относительно причин гонений на братьев. В отличие от других русских историков, объяснявших преследования братьев подчас довольно наивно, Кочубинский считает, что главным притеснителем Общины были католики, позиция которых находилась в прямой зависимости от положения королевской власти в стране. Ученый рассматривает историю ОЧБ с точки зрения ее участия в политической жизни и в антигабсбургской борьбе чешских сословий в XV веке, подчеркивает, что победа Фердинанда I над антигабсбургским выступлением 1547 г. укрепила абсолютизм, члены же ОЧБ принимали в восстании активное участие, и после его поражения были изгнаны в Силезию и Познань, а оттуда – в Пруссию. В дальнейшем, по Кочу-

бинскому, Община разделила судьбу некаатолических сословий в Чехии, активно участвуя в их борьбе вплоть до 1620 г. Кочубинский считает, что у ОЧБ и лютеран были общие черты. Стоявший во главе ОЧБ Ян Августа составил текст исповедания веры, близкой к аугсбургской, а между братьями и Лютером установились тесные связи. Таким образом, одесский ученый относит ОЧБ к вариантам европейской реформации церкви, но, по мнению чешского рецензента, автор все же недостаточно подчеркнул европейское влияние на Общину.

Оценивается русским ученым и деятельность отдельных членов ОЧБ. Яна Благослава, который был фактическим главой ОЧБ в период заключения Яна Августы, он считает человеком громадной учености, обладавшим проницательным дипломатическим умом, «превосходя своими способностями Яна Августу». На основании «Декретов» Общины русский ученый изложил в частности и разногласия между Августой и Благославом по отдельным вопросам вероучения, которое Августа понимал в лютеранском духе, между тем как Благослав более придерживался принципов Луки. Касаясь деятельности ОЧБ в области культуры, Кочубинский рассказал об организации братской школы. «Уже очень рано, – пишет он, – Община обратила внимание на образование своих мальчиков. На собрании 1555 г. старшины определили, чтобы мальчики, способные к латинскому и немецкому языкам, были освобождены от работы и отдаваемы

на попечение тем братьям, которые в состоянии взять на себя дело обучения». Было также признано полезным «посылать некоторых учеников в Германию». А на собрании 1558 г. «была изготовлена инструкция священникам по обучению детей, в которой нельзя не видеть предтечу знаменитой педагогической системы брата Коменского». Далее Кочубинский излагает основные воззрения братьев на воспитание подрастающего поколения. Он отмечает также, что «Община готовилась к своему замечательному труду: изданию Кралицкой библии в чешском образцовом переводе прямо с еврейского», а начало переводу «положил Ян Благослав». По мнению историка, «Благославов перевод Нового Завета, Кралицкая Библия были лучшими свидетельствами богословского и филологического знания» братьев, и вообще ОЧБ была сильна своей наукой. «Братьям принадлежит первая обработка чешского языка в грамматических трудах Оптата, Благослава; а в многочисленных школах Общины обращалось глубокое внимание на изучение его – наравне с языками латинским, греческим и еврейским», – констатирует Кочубинский, указывая также на собрание братьями библиотек, посылку стипендиатов в заграничные университеты, распространение печатного дела.

Оценивая события сословного восстания в Чехии 1618–1620 гг., Кочубинский высказывает ряд интересных мыслей, которые не встречаются в других русских сочинениях об ОЧБ. Ученый считает, что разно-

родный социальный состав Общины не способствовал консолидации чешского народа в борьбе против католицизма и Габсбургов. Если «братья-паны» боролись за свои привилегии, проявляя сословный эгоизм, то народу, не имеющему прав, эти интересы были чужды, и он не поддержал восстания. «Белогорская битва навсегда сломила государственную оппозицию чешских протестантов, а чешский народ похоронил свои идеальные стремления; с этого дня он сходит с исторической сцены».

К проблеме ОЧБ Кочубинский обращался и позднее.

Вторым сюжетом чешской истории, который усердно разрабатывался одесским профессором, было чешское национальное возрождение. Правда, специального исследования он этой проблеме не посвятил, но в трудах по истории славяноведения как науки, посвященных отдельным чешским ученым и патриотическим деятелям, в своих публицистических статьях и заметках, Кочубинский часто касался вопросов чешского возрождения. Сам этот период чешской истории он определяет как эпоху культурного подъема, «когда небольшое королевство чешское высоко стояло в научной и политической деятельности австрийских славян, считалось по праву передовым борцом за культурные и нравственные интересы нерусского славянства, не только по своему историческому прошлому и географическому положению страны и народа, но и по своей интеллектуальной силе и энергии. Это было

время Юнгманна, Шафарика, Ганки, Челаковского, Гавличка-Боровского..., время плодотворной деятельности этих людей, работавших на разных поприщах, но сходящихся в одном – в желании поднять свой народ и служить бескорыстную службу целому славянству». Во многих работах Кочубинский характеризует творчество знаменитого патриарха славистики Йосифа Добровского. Он отмечает значение научного метода Добровского, его вклад в развитие славяноведения, в исследование чешского языка и его возрождение. Однако русский профессор считает, что Добровский был не только ученым, но и политиком, при этом с прорусской ориентацией, поскольку исследования по истории чешского языка – как самого Добровского, так и представителей чешского возрождения более позднего времени, – «шли под влиянием русского языка».

Подобное утверждение свидетельствует о весьма неточном представлении Кочубинского относительно истоков мировоззрения чешского просвещенца, и о том, что в угоду своей теории о преимуществе русского языка над остальными славянскими (за что специалисты критиковали его лингвистические сочинения) он принимает желаемое за действительное.

Кочубинский характеризовал творчество и других чешских возрожденцев – Й. Юнгманна, Ф.Л. Челаковского, В. Ганки и др., но особое внимание уделил П.Й. Шафарику. В специальной большой статье «П.Й. Шафарик. Очерк из жизни русской науки пол-

века тому назад» Кочубинский сначала характеризует Ганку, который «исповедывал ... чувство любви и преданности к России и ко всему русскому». Однако научная деятельность Ганки у автора сочувствия не вызывает. «Ганковская наука – это уже совсем иное дело, – пишет он. – Еще в 1836 г. Шафарик в письме к Погдину, несмотря на всю свою мягкость, откровенно отметил, что Ганка «блажен в своем неведении». Издания старочешских и церковнославянских памятников были полны ошибок и потому неудовлетворительны. Теоретические сведения в области славянского языка были путанные, поверхностные, хотя автор одного карманного газетного словарчика и уверяет, что Ганка знал 18 языков... Как ни резки до неприличия были отзывы о научной стоимости Ганки со стороны известного ученого Копитара, а по смерти – его ученика в Вене Миклошича, но они под собою всегда имели фактическую подкладку. Его (Ганки – Л.Л.) своеобразные теоретические построения в области языка с головою выдают и те памятники, которыми он рассчитывал поднять уровень родной литературы». Заметим, что Кочубинский был одним из немногих русских ученых XIX в., которые не верили в подлинность ганковых «открытий» и выступали с их разоблачениями.

Высказав свои соображения о творчестве Ганки, Кочубинский излагает в статье о Шафарике известные факты его биографии, но приводит в подстрочнике и любопытные дополнения, заимствованные главным

образом из переписки Шафарика с М.П. Погодиным. Основное содержание работы посвящено связям Шафарика с русскими учеными – О.М. Бодянским, В.И. Григоровичем, И.И. Срезневским, М.И. Касторским, М.П. Погодиным и др. Затем говорится об отношениях Шафарика с Российской академией наук, с Археологической комиссией в Петербурге и другими учреждениями. Кочубинский подробно останавливается на творчестве Шафарика, оценивает его «Славянские древности» и «Славянскую этнографию». Последняя, по мнению Кочубинского, «вполне отвечала настроению... славянских народностей, их стремлению к взаимности и культурному подъему. Она предлагала массу полезных сведений лингвистических, географических, статистических, историко-литературных, объединенных одною гуманной целью – сблизить людей, поднять их нравственное сознание. В известном смысле она стала «*vademecum*»* для славянских деятелей». Что касается восприятия этой книги в России, то, как констатирует Кочубинский, хотя она и была переведена Бодянским на русский язык, но не пользовалась успехом, и «Гавличек под Сухаревкой в Москве покупал чешские издания, получаемые студентами от Бодянского». Одесский профессор объясняет это обстоятельство тем, что в России «ничего существенного в пользу славянства не делается», ибо для эффективной работы одного чувства недостаточно. «Крику

---

* Путеводитель, справочник для определенной области знаний (лат.).

много, а толку мало, – говорит автор работы. – Славянофилы только разглагольствуют».

Фактическая сторона статьи Кочубинского о Шафарике отличается высокой степенью достоверности. Автор проштудировал переписку Шафарика с русскими учеными, часть которой была в России уже издана, а другую он нашел в архивах, в том числе и в Национальном музее в Праге, где хранится литературное наследие Шафарика. Во время своих зарубежных командировок он изучал эти материалы, беседовал с сыном П.И. Шафарика Войтехом; он был знаком с литературой о выдающемся чешском слависте, в первую очередь с русской, которая, к началу XX в. была уже достаточно богатой.

Чешское национальное возрождение рассматривалось Кочубинским в связи с изучением им начальных этапов русского славяноведения. Поэтому он уделил внимание лишь тем лицам, которые имели связи с русскими учеными. Их характеристика страдает подчас односторонностью и необъективностью. Но Кочубинский первым в русской историографии обратился к проблематике чешско-русских связей, собрал много ценного материала и изложил его со своих позиций.

По методу работы с историческим материалом – изложение фактов на основании источников и критическая обработка последних – Кочубинского вполне можно отнести к позитивистам. Но общая концепция ученого может быть определена как культурно-

историческая с элементами славянофильства. Хорошо изучив прошлое и современную жизнь славянских народов, земли которых он часто посещал, имея контакты со многими представителями славянского мира (в том числе и в форме корреспонденции), Кочубинский был убежден, что только Россия может и должна стать центром славянского мира, но при условии активного утверждения исключительно культурных основ своей деятельности среди собратьев. Духовное единение, единение литературных идей, единение церкви и языка – именно в этих компонентах Кочубинский видел спасение для славян – раздробленных, несвободных, несущих «рабство политическое и церковное». В изучении славянской истории и славянских литератур, особенно в стремлении славян изучать русский язык и русскую литературу, Кочубинский усматривал те условия, которые создадут из славян «крепкую этнографическую единицу», не рискующую быть поглощенной чужой – немецкой – культурой.

Таким образом, взгляд Кочубинского на славянский мир представляет собой еще один, своеобразный вариант истории славянской взаимности.

История славян в Харьковском университете

Харьковский университет был одним из старейших в России. В 1835 г. здесь была создана кафедра истории славянских литератур и наречий, для занятия которой был командирован за границу И.И. Срезневский. Однако по возвращении из командировки будущий профессор не обнаружил нужных условий для преподавания славяноведения. В Харькове не было литературной базы и научных традиций, среди студентов не было интереса к славяноведению. И в 1847 г. И.И. Срезневский уехал в Петербург, а кафедра славянских наречий Харьковского университета была вакантной в течение 5 лет. И лишь в 1851 г. в должности адъюнкта ее занял Петр Алексеевич Лавровский (1827–1880). Это был ученик И.И. Срезневского по Главному педагогическому институту в Петербурге.

В течение 18 лет Лавровский преподавал в Харькове весь обширный материал славяноведения: читал «славянские древности», общее филологическое и этнографическое обозрение славянских народов, преподавал грамматику церковнославянского языка и т.д.

Научные интересы П.А. Лавровского касались особенно языка древних русских памятников письменности. В 1852 г. он стал магистром, а в 1854 г. получил степень доктора за «Исследование о летописи Якимовской». В 1859–1861 гг. Лавровский совершил путешествие по славянским странам, в ходе которого широко ознакомился с состоянием славяноведения, завязал научные контакты со многими деятелями южных и западных славян. По возвращении в Харьков он расширил преподавание своего предмета. В 1861–1862 учебном году он читал студентам историю и литературу чешского народа, в следующем – историю польской литературы, в 1865–1866 учебном году – историю сербского народа и сербской литературы. Результаты его путешествия сказались и в научной работе. Лавровский написал целый ряд очерков, статей и заметок в газеты и другие издания.

Обстановка в Харьковском университете была сложной. Тон задавали консервативно настроенные профессора. Попечителем учебного округа был генерал-губернатор, установивший в Университете жесткую регламентацию и произвол. При таких режимах неизбежно господствуют угодничество, подхалимство и доносительство. Однако после введения нового университетского устава 1863 г., расширившего права Университетов и ограничившего вмешательство государственной власти в их внутренние дела, в Харькове появилась оппозиция старому, рутинному ходу событий. Оппозиция зародилась на юридическом факуль-

тете, и ее лидером был профессор кафедры международного права В.И. Каченовский, который выступил в частности против введения в учебный план Университета кафедры славянских законодательств. Ходатайство об этом перед министерством народного просвещения удовлетворено не было. И хотя споры в Харьковском университете имели, видимо, определенную подоплеку, сама идея была не лишена здравого смысла и, конечно же, инспирировалась противоречиями между консервативными славянофильствующими членами профессорской корпорации и новой антиславянофильской идеологией. Именно на юридическом факультете Харьковского университета появилось очень важное исследование о славянских древностях и юридическом быте славян, ознаменовавшее появление нового критического направления в русской историографии XIX в. Это исследование принадлежит Ивану Михайловичу Собестианскому (1856–1895), профессору кафедры русского права.

И.М. Собестианский родился в Тифлисе, в семье врача. Он получил отличное воспитание, был талантливым музыкантом-виртуозом, блестяще образованным ученым, владел многими языками, любил литературу, особенно поэзию. Собестианский окончил Тифлисскую гимназию в 1874 г. и юридический факультет Харьковского университета в 1878 г., служил после этого в Тифлисской судебной палате, а в 1882 г. был зачислен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию с целью последующего занятия ка-

федры истории славянских законодательств. С 1885 по 1887 гг. находился в заграничной командировке – работал в библиотеках Праги, Вены и других центров. В 1886 г. издал в Праге книгу «Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства», которую в исправленном и значительно дополненном варианте издал в Харькове в 1888 г. и защитил в качестве магистерской диссертации. Подробное изучение источников, касающихся славянских прав, и сочинений по этому предмету, привело Собестианского к убеждению, что большинство последних построено на шатких основаниях. Господствовавшие в славянской научной литературе взгляды на такие коренные вопросы как общая характеристика древних славян, их быта, показали Собестианскому требующими корректировки. Обстоятельное изучение и критическая оценка этих взглядов содержатся в его докторской диссертации «Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян», которую он защитил в 1892 г. Пока Собестианский был за границей и готовился к занятию кафедры славянского права, эта кафедра, просуществовав в течение 20 лет только на бумаге, была упразднена, так что по возвращении из-за границы Собестианский был переведен на кафедру истории русского права, где с 1890 г. был экстраординарным, а с 1893 г. – ординарным профессором.

Первым трудом Собестианского по истории славянского права была упомянутая магистерская дис-

сертация. Она выполнена сравнительно-историческим методом, который в России еще только утверждался в трудах по истории славян. В книге впервые подвергнут тщательному исследованию институт круговой поруки, весьма распространенный у всех древних славян. Автор сопоставил факты, встречающиеся в юридических и других памятниках разных славянских народов, с фактами древнегерманского права, с законодательством древних индусов, евреев, бритов, а также с современными правовыми обычаями черногорцев, албанцев, кавказских горцев и т.д. В результате ученый пришел к выводу, что круговая порука как родовых, так и территориальных общин, свойственна не только славянам, а существовала, да еще существует и ныне, у многих народов, являясь продуктом определенного уровня общественного развития. Собестианский этим выводом нанес окончательный удар господствовавшему мнению Мацеёвского, Палацкого и других ученых, считавших круговую поруку исключительно принадлежностью древнеславянского быта и даже одной из главных особенностей, отличающих древнеславянское право от германского. По мнению М. Дринова, Собестианский проявил аналитический талант, сумев выделить в древнеславянских памятниках, часто малоизученных, те положения, которые действительно относятся к круговой поруке, и отделить то, что «по недоразумению принималось некоторыми исследователями за таковые. Заключая характеристику труда Собестианского, Дринов констатирует, что «ис-

следование по обилию собранного в нем и критически разобранным материала является весьма полезной книгой». По сведениям Дринова, этой книгой пользовался Ф. Миклошич в своем исследовании «О кровавой мести у славян», опубликованном в 1867 г.

Особый резонанс в печати того времени вызвала докторская диссертация Собестианского «Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян».

Во введении к книге Собестианский отмечает, что в литературе господствуют сентиментально-поэтический взгляд на характер древних славян и их идеализация. Далее указано, что до конца XVIII в. ученые реалистически подходили к этому вопросу: «Славистам прошлого столетия была чужда идея об особенных национальных чертах древнего славянского характера». Но, как показано далее, в XIX в. на славянскую историческую науку решительное влияние оказала гердеровская характеристика славян, в которых этот деятель видел отличие от других народов, преобладание у них «других начал». Взгляд Гердера на славян, по мнению Собестианского, не мог быть результатом изучения исторических памятников, он объясняется лишь личными чувствами философа. Однако теория Гердера способствовала славянскому возрождению, ее положили в основу своих работ славянские ученые, и наука о славянах вступила «на ложный путь», создала «призрачное прошлое славян». Начало такому подходу положил польский ученый В.

Суroveцкий, который в ряде работ говорит о славном прошлом славян, «чтобы оживить упавший дух своих соотечественников», утративших самостоятельное государство в конце XVIII в. Собестианский подчеркивает, что гердеровская идея подробно развита Суroveцким в сочинении «Исследование начала народов славянских» (1824), где рисуется идиллическая картина славянских древностей.

Хотя гердеровское учение и обратило историческую науку в одно из средств национального возрождения славян, но Карамзин, как констатирует Собестианский, остался верен взглядам К.Г. Антона и других «догердеровских» ученых; против Карамзина выступили Суroveцкий и В.А.Мацеёвский, и особенно сильно «вознегодовал на него» П.Й. Шафарик, обвинив знаменитого историографа «в подражании немцу Гебгарди».

Пятую главу своей книги Собестианский посвятил разбору сочинений Шафарика «История славянских литератур» и «Славянские древности». Автор отмечает, что труды Шафарика сделались в XIX в. исходной точкой для всех сочинений по славянским древностям. И хотя Шафарик в его «Истории славянских литератур» изучил и исследовал вопрос о славянских памятниках самостоятельно, но все же, по мнению Собестианского, пятая глава этого сочинения полностью заимствована из «Идей» Гердера и сочинений Суroveцкого. Более того, «вся пятая глава „Истории славянских литератур“ принадлежит не Шафа-

рику, а является дословным переводом на немецкий язык (с незначительными лишь сокращениями) двух церковных проповедей Я. Коллара, напечатанных в 1822 г. и имевших целью содействовать возрождению чешского народа». При этом Шафарик «на Коллара не ссылается», а лишь упоминает в числе пособий коллаповское сочинение *Dobré vlastnosti národu slovanského*. Добровский, прочитав труд Шафарика, выразился об авторе так: «Шафарик – жалкий компилятор и фразёр», – говорит Собестианский, приводя для сличения тексты: с одной стороны – из сочинений Гердера, Суroveцкого и Коллара, а с другой – из сочинений Шафарика.

Спустя 11 лет появились стяжавшие громкую славу автору «Славянские древности», где Шафарик касается характера и нравов славян, замечает харьковский ученый, указывая затем на противоречивость сведений Шафарика и заключая: «В „Славянских древностях” Шафарик взял на себя решение неразрешимой задачи: доказать в одно и то же время и воинственность, и невоинственность древних славян... Для устранения этого противоречия и двух взаимно исключающих друг друга взглядов придумывается странная гипотеза: будто пример других воинственных народов – иногда же и принуждение с их стороны – заставляли мирных и кротких славян решаться на завоевания. Принять эту гипотезу Шафарика, продолжает Собестианский, значит считать, что славяне, «только повинуюсь стадному чувству подражания или

насилию со стороны иноземных воинственных народов, предпринимали свои завоевательные походы, сами же не были способны решиться на завоевания». И харьковский исследователь констатирует, что Шафарик «не выработал самостоятельно тот взгляд на характер и нравы древнего славянства, который привел в «Славянских древностях». Он почти дословно повторил с самыми незначительными дополнениями все то, что сказал гораздо раньше него Суворецкий. Таким образом, как в «Истории литератур», так и в «Славянских древностях» Шафарик там, где он касался характера и нравов древнего славянства, является не самостоятельным исследователем, а простым пересказчиком чужих мнений».

Далее Собестианский констатирует, что опубликованием «Славянских древностей» Шафарик «стяжал себе громкую славу»: книга его была переведена на немецкий, русский и польский языки и сделалась исходной точкой всех последующих трудов по изучению древнеславянской истории. Благодаря такому авторитету Шафарика идеи Гердера в обработке Суворецкого получили перевес во всех славянских литературах, включая и русскую. Упомянув польских исследователей идей Гердера, Шафарика и Суворецкого, Собестианский замечает, что с 40-х годов западнославянское учение о пассивном характере древнего славянства «пускает глубокие корни» в русской литературе и вытесняет взгляд Карамзина. Приводятся примеры из сочинений О.М. Бодянского и М.П. Пого-

дина. А в начале 50-х годов «учение это сделалось исходной точкой сочинений наших славянофилов – Хомякова, К. Аксакова и др. Оно оказало влияние на труды Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина». Собестианский приводит обширные цитаты из сочинений этих и других историков, доказывающие приверженность их к названной концепции о нравах древних славян.

Далее харьковский ученый говорит о том, что лишь М. Дринов не был согласен с теорией Шафарика и длинным рядом неопровержимых исторических свидетельств доказал ее ошибочность. Кроме Дринова, по сведениям Собестианского, против западно-славянского учения высказался Иловайский, затем по следам Дринова и Иловайского пошел Забелин в его «Истории русской жизни с древнейших времен» (1876). Против учения о кротком и мирном характере древних славян выступил также А.Н. Пыпин в «Истории славянских литератур» (1881).

Таким образом, И.М. Собестианский правомерно определил тот факт, что с 70-х годов XIX в. в изучении истории славян русской историографией начинается поворот.

Целую главу своей книги Собестианский далее посвящает свидетельствам источников и на основании их анализа приходит к выводу, что «русские славяне подобно своим задунайским собратьям являлись в Восточную империю [т.е. Византию – Л.Л.] не в качестве мирных и кротких земледельцев, искавших для

обработки пустынные земли, а в качестве настоящих завоевателей, опустошителей и грабителей». В заключение этой части книги автор останавливается на «гостеприимстве славян», отмечая, что эта черта – «не доказательство доброты и тихого характера», а всего лишь обычай, встречающийся у всех «младенствующих народов».

Во второй части своей работы Собестианский рассматривает учения о национальных особенностях юридического быта древних славян. В первой главе оценивается польская научная литература, разбираются сочинения Маевского и Раковецкого. Далее автор подробно останавливается на учении И. Лелевеля об общинном устройстве древнего славянства, анализируя при этом данные четырех сочинений Лелевеля. Теория его, по мнению харьковского исследователя, была априорной, она сложилась в уме польского ученого под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо. В качестве главного доказательства своей теории Лелевель использует Зеленогорскую рукопись, т.е. фальсификат Ганки. Между тем, учение Лелевеля имело большой успех; в польской научной литературе он создал целую историческую школу, и взгляды его господствовали в этой сфере около полувека.

Оценивает Собестианский и творчество другого польского ученого – В. Мацеёвского, который в своей «Истории славянских законодательств» доказывал самобытность и оригинальность древнеславянского права, общая характеристика которого Мацеёвским

представляет собой не что иное, как дальнейшее развитие идей Гердера и Суровецкого. «Своими трудами по истории славянского права Мацеёвский снискал себе в славянской литературе громкую известность, и чешский историк Палацкий приветствовал его как первого знатока славянского права». Лелевель и Мацеёвский создали теорию «гминовладства» (общинного быта), которая господствовала в польской науке в течение полувека.

Собестианский указывает, что в качестве главного противника этой теории выступил профессор истории польского права в Краковском университете М. Бобржинский. Он доказывал, что дошедшие до нас древнеславянские памятники не содержат никаких указаний на существование общинных порядков у польских славян, что учение об общинном быте имеет априорное происхождение, что оно «навязано фактами, сопоставленными и подтасованными в его пользу», - так передает мнение Бобржинского Собестианский.

В чешской литературе мысль о глубокой древности и оригинальности древнеславянского права была пущена в ход автором «Любушина Суда» в 1818 г. Фальсификату Ганки принадлежит выдающаяся роль в ходе развития последующей историко-юридической литературы, считает Собестианский. На древнеславянском праве останавливался и Палацкий в своей статье «Древнеславянское право или Сравнение законов царя Стефана Душана Сербского с древнейшими

земскими постановлениями чехов». Затем автором книги характеризуются сочинения Г. Иречека о древнеславянском праве, выдержанные в том же духе. Но особенно горячим защитником национальных особенностей древнеславянского права Собестианский называет Э. Воцеля, приводя следующие его слова: «В основе всей древнегерманской жизни лежало начало аристократическое, между тем как общественная организация древних славян покоилась на демократических принципах». Выводы Воцеля выглядят так: «Все сказанное приводит нас к заключению, что современная европейская цивилизация стремится ввести те порядки, которые тысячу лет тому назад господствовали у славян. Введение этих порядков должно быть конечною целью стремлений всех народов, которые заботятся о высшем развитии своего благосостояния».

Далее Собестианский анализирует русскую научную литературу и отмечает, что первым русским ученым, выступившим с мнением о национальном характере древнеславянского права, был ученик Ганки Н.Д. Иванишев. Его точка зрения излагается по трем его сочинениям. Далее освещаются взгляды С. Хомякова, И. Киреевского, а также П. Киреевского, выступившего в 1845 г. в пользу теории родового устройства древних славян. Затем говорится о работах Ю. Самарина и К. Аксакова. Указано, что «теория общинного быта» оказала сильное влияние на последующую научную литературу. «Она нашла горячих защитников в лице А. Гильфердинга, О. Миллера. С нею мы

встречаемся в трудах Леонтовича. Не избежали ее влияния Макушев и Котляревский», – резюмирует Собестианский.

Весьма своеобразный взгляд на древнеславянский быт был высказан в самом начале 50-х годов И.Д. Беляевым, говорит далее автор книги. «По его мнению, западное славянство совсем не знало общинного устройства, которое составляет отличительную черту русского славянства».

В четвертой главе автор рассматривает исторические памятники, которые, по его мнению, доказывают, что юридический быт древних славян весьма близко подходил к быту германцев. Из этих источников ясно, что демократические принципы свободы, равенства и братства были известны в древнеславянской жизни столь же мало, как в германской. Никакой «демократии» у славян не существовало.

В конечном счете Собестианский приходит к отрицанию существования у славян общины. В заключение он говорит, что учения о «кротком», пассивном характере древних славян и о господстве у них общины сложились в славянской науке априористическим путем. Вместо критического изучения источников славянские ученые – под влиянием «гуманно-философских рассуждений Гердера и демократических идей Руссо... составили... национальный идеал славянского племени, и под готовую уже форму подгоняют факты... Древняя история славян в действи-

тельности подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния».

Книга И.М. Собестианского, содержащая столь смелые, новые и самостоятельные суждения, вызвала бурную реакцию. Ее обсуждение перешло в периодическую печать, и не только в русскую, но и в западно-славянскую. Как водится, был высказан ряд мнений как положительных, так и отрицательных, а часто и противоположных. В большом числе рецензий авторы их ограничились изложением содержания, добавив к этому два – три суждения о содержании труда Собестианского. Это в основном статьи журналистов, не являвшихся специалистами. Специалисты же высказывались «по делу».

Профессор Харьковского университета Д.И. Багалей посвятил разбору книги Собестианского целую брошюру. Критика Д.И. Багаля есть классический пример борьбы старого образа мышления с новым. Во второй половине XIX в. в русском славяноведении было еще мало сторонников нового подхода к источникам; большинство выступавших держались за авторитеты, будь то Шафарик или Ганка, который в русской историографии (за единичными исключениями) не признавался фальсификатором вплоть до XX века.

Однако не все русские ученые придерживались отрицательного мнения о книге Собестианского. Профессор М.С. Дринов указал на диспуте как на достоинство то, что Собестианский напомнил вновь о весьма редких и почти забытых, но важных сочинени-

ях старых славистов, из которых в диссертации приведено много интересных выдержек. Автор книги сличил тексты источников с переводами и в последних открыл некоторые неточности; он указал на обоснованность некоторых упреков, делаемых западными славистами Карамзину, и сумел «рельефно отметить» увлечения других ученых, так что в этом отношении книга его может «определяющим образом воздействовать на будущих исследователей». Дринов также отметил, что критическая часть второго отдела книги, где разбираются учения об общине, выполнена обстоятельно. Здесь представлен тщательный анализ некоторых основ теории общинного быта, причем некоторые из них Собестианскому удалось «поколебать».

В целом русские ученые в их большинстве не приняли основные идеи книги Собестианского. Положительно высказались немногие, да и то с оговорками; критические замечания преобладали над позитивными оценками.

Иначе отнеслись к работе харьковского ученого зарубежные славяне. В научных органах славянских стран книга Собестианского оценивалась положительно, а в некоторых случаях славянские ученые использовали ее в своих трудах.

Полемика по поводу книги Собестианского раскрывает уровень науки о славянах в Харьковском университете к концу XIX в. Он оказывается невысоким. Большинство историков придерживаются старых теорий, мнений авторитетов прошлого и не признают

новых методов исследования источников и оригинальных суждений. Но если учесть, что в полемике участвовали и столичные журналы и газеты, то консерватизм и застой в изучении некоторых проблем славяноведения нельзя объяснить лишь провинциальным положением харьковских деятелей науки. Отставание от Западной Европы в изучении некоторых аспектов славяноведения было вообще характерно для русской науки.

В то же время в Харьковском университете работали такие ученые как проф. А.А. Потехня (1835–1891) – глава школы психологической лингвистики в России, проф. М.С. Дринов, внесший несомненный вклад в изучение истории южных славян, и др. Просто отечественное славяноведение развивалось неравномерно, старые идеи и взгляды уходили в прошлое лишь постепенно.

Марин Дринов (1838–1906)

Марин Стоянов (в России – Степанович) Дринов – болгарин по происхождению, получивший образование и научную подготовку в России, большую часть жизни проработавший в Харьковском университете и подчинивший свое научное творчество потребностям национального и культурного возрождения болгарского народа. С историографией ему очень повезло. В русском славяноведении было значительное число деятелей, внесших гораздо больший вклад, чем Дринов, в развитие науки о славянах, создавших собственные научные школы, весьма способствовавших развитию всего европейского славяноведения, и тем не менее недостаточно изученных. Подчас даже о крупнейших славистах приходится разыскивать сведения в архивах и собирать необходимые материалы по крупицам. О Дринове же имеется огромная литература. Богата и источниковая база: сохранился его личный архив (переданный из Харькова в Болгарию), много документов имеется в центральных архивах России и Украины, собрана почти вся корреспонденция и т.д.

В литературе о Дринове освещаются его жизненный путь, общественная деятельность в пользу болгарского народа, оцениваются его труды, в том числе и второстепенные, опубликовано собрание его сочинений, проанализированы курсы лекций по славяноведению, напечатана значительная часть переписки, изданы о нем и специальные книги. Причиной столь внимательного отношения к творчеству в общем-то не самого выдающегося ученого в рамках развития русского славяноведения второй половины XIX в., на наш взгляд, является тот факт, что Дринов стал зачинателем болгарской исторической науки. Получившая в 70-е годы XIX в. независимость Болгария до этого времени должна была довольствоваться сведениями о своем прошлом из сочинений иностранных авторов, главным образом русских (но иногда и других), дружественно настроенных к болгарам, но не обладавших их менталитетом. Сочинения Дринова по истории Болгарии, болгарскому языку и культуре, его практическая деятельность по возрождению болгарской государственности были краеугольным камнем в строящемся здании независимой Болгарии. Благодарные болгарские деятели не забыли этого обстоятельства и отдали ему должное, досконально изучив жизнь и творчество личности, сыгравшей столь значительную роль в духовной жизни болгарского народа. Болгарская литература о Дринове особенно велика. Что касается литературы русской, то при жизни ученого она не выходила за рамки обычного научно-литературного

процесса: рецензировались его труды, возникала полемика по тем или иным проблемам, выпускались сборники статей «в честь» или «в память» Марина Дринова и т.д. Как и большинство русских славистов-профессоров, Дринов являлся членом-корреспондентом Российской академии наук, а за выслугу лет и успешную деятельность на поприще преподавания он получил звание заслуженного профессора. После изменения общественного режима в России в результате Октябрьской революции 1917 г. и отторжения «буржуазной» культуры, Дринов не попадал в число тех, кто мог бы «нанести вред формированию нового образа мышления», и не подвергался идеологическому погрому. О нем можно было писать. А после окончания Второй мировой войны, когда – по политическим соображениям – вновь началась «игра в славянскую взаимность», а также демонстрировалось стремление к объединению на почве построения социализма, стали актуальны исследования русско-болгарских связей, и советские историки обратились к изучению деятельности Дринова. Именно в это время возникла большая, посвященная этой теме русская литература.

К настоящему времени не исследована лишь незначительная часть дриновского наследия, обращение к которой едва ли может кардинальным образом изменить общую оценку творчества ученого.

М.С. Дринов родился в болгарском городе Панагюриште, в семье ремесленника, получил образование

в четырехклассном училище, где позднее и сам работал учителем. В 1858 г. он был направлен для продолжения образования в Киевскую семинарию, по окончании которой поступил в 1861 г. в Московский университет, на историко-филологический факультет. Курс славянской филологии вел здесь проф. О.М. Бодянский, оказавший на Дринова значительное влияние. Закончив Университет со званием кандидата в 1865 г., Дринов стал домашним учителем в семье княгини Е.М. Голицыной. Вместе с ее семьей он в 1865 г. выехал за границу. В 1866–1867 гг. Дринов живет в Женеве, работает в библиотеках, занимается английским и итальянским языками, посещает публичные лекции. В 1867 г. княжеская семья переехала вместе с Дриновым в Прагу, где он установил связи с чешскими учеными, занимался чешским и венгерским языками, писал публицистические статьи о культурном возрождении Болгарии и печатал их в болгарских газетах. В 1869 г. Дринов прибыл в Италию, где работал в архивах, отыскивая документы по истории Болгарии, в чем ему помогал русский историк В.В. Макушев. В 1870 г. Дринов вернулся в Москву. Пять лет, проведенные Дриновым за границей, не только способствовали его самообразованию, но и выработали в нем навыки ученого. Он также установил контакты в европейских научных кругах, стал активным деятелем Болгарского научного общества, созданного болгарскими эмигрантами в Браилове (современная Румыния). В 1873 г. Дринов защитил магистерскую диссер-

тацию в Московском университете на тему «Заселение Балканского полуострова славянами», получил степень магистра славянской словесности и был утвержден доцентом по кафедре славянской филологии Харьковского университета. В 1873–1875 гг. Дринов читал в Харьковском университете лекции по истории зарубежного славянства, по истории болгарского языка, преподавал практически славянские языки. В 1875 г. он отправился в научное путешествие за границу, посетил Болгарию, Константинополь, Прагу и другие места, где собирал в библиотеках и архивах материал для докторской диссертации «Южные славяне и Византия в X веке». В 1876 г., защитив эту работу в качестве докторской диссертации, он получил степень доктора славянской словесности, а также должность экстраординарного, а в конце того же года – ординарного профессора.

После освобождения Болгарии от турецкого ига в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дринов был назначен вице-губернатором Софийской области, а затем возглавил Отдел народного просвещения и духовных дел, то есть стал по существу министром просвещения Болгарии. Но в этой стране произошли политические перемены, которых Дринов не одобрил, и хотя ему прочили пост председателя Государственного совета, он в 1881 г. вернулся в Харьков и окончательно остановил свой выбор на профессорской работе. С 1881 по 1906 гг. он выполнял функции профессора кафедры славянской фило-

логии, читая разнообразные курсы: историю литературы южных славян в связи с их политической историей, славянские наречия, историю церковнославянской письменности, грамматику церковнославянского языка¹. Активно работал он также и в научной сфере: писал статьи в русские и болгарские издания по истории, филологии, языкознанию, этнографии и фольклористике южных славян. Но обобщенных фундаментальных трудов он больше не создал, ограничившись двумя диссертациями. По методам преподавания славистических дисциплин Дринов принадлежал к числу славистов старого поколения, т. е. подходил к славистике не дифференцируя ее на отдельные предметы, занимался всеми ее отраслями, в то время как в этой науке уже начиналась дифференциация на отдельные ее компоненты. Следует, однако, отметить, что организация преподавания славяноведения, когда одному профессору приходилось вести все дисциплины, тормозила развитие узкой специализации. Особенно в провинциальных Университетах, где кафедры славянской филологии часто годами оставались вакантными за отсутствием кадров, об узкой специализации не могло быть и речи.

Дринов активно работал также в Харьковском историко-филологическом обществе, созданном в 1869 г., а в 1890 г. был избран его председателем.

---

¹ Ильчук И.С. Деятельность М.С. Дринова в Харьковском университете // Исследования в чест на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 77 – 103.

Здесь он читал доклады, выступал на заседаниях Общества в дискуссиях. Научный авторитет Дринова был высок, ученый избирается членом Общества истории и древностей российских в Москве, петербургского Общества любителей Письменности, председателем Болгарского научного общества, почетным членом Югославянской академии наук; в 1901 г. он стал также членом Краковской академии.

Умер Дринов 28 февраля 1906 в Харькове от туберкулеза легких. В 1909 г. его прах был перевезен в Болгарию и перезахоронен в Софии.

Занимаясь многими отраслями современного ему славяноведения, Дринов все же был по преимуществу историком, изучавшим главным образом средневековую Болгарию. Его работы этого направления проанализированы в ряде исследований¹. В начальном периоде своего творчества Дринов следовал доктринам раннего славянофильства, а затем стал постепенно отходить от этих методологических принципов и приблизился к позитивизму. Но он избегал широких обобщений, объяснял исторические явления воздействием отдельных факторов, придавал определенное значение роли личности. В общем Дринов принадлежал к числу либеральных историков, каких в русском славяноведении было довольно много.

---

¹ Горина Л.В. Лекции по истории зарубежных славянских народов М. Дринова в Харьковском университете (1873–1906) // Советское славяноведение. 1983. №6. С. 38–66.

Преподавание истории славян в начале XX в. (до 1918 г.)

Изложенный выше материал показывает, что преподавание истории славян в российских Университетах представляло собой пеструю картину. После выделения истории из славянской филологии как специального предмета преподавания, реализация этого акта на практике проходила медленно и неравномерно. Если в университетах центра и запада России история славян преподавалась регулярно и с определенным успехом, то, например, в Харьковском университете, кафедра славянской филологии часто была вакантной и более или менее регулярно история славян начала освещаться с начала XX в. В Казанском университете успехи славяноведения в пореформенный период были весьма скромными. Здесь отсутствовали благоприятные условия для развития славяноведения. Историко-филологический факультет был в Казани традиционно небольшим по численности, а библиотека – весьма бедна славистической литературой. В Казанском университете происходило частое перемещение лиц профессорско-преподавательского состава.

Заняв кафедру в начале своей карьеры, ученые со временем переходили в другие Университеты. Не было условий для подготовки новых кадров по славяноведению. История славян читалась урывками, а многие годы не читалась вообще. На наш взгляд, это объясняется, в первую очередь, не только провинциальным расположением и консерватизмом, но и мало развитой общественной жизнью, равнодушием к славянским исследованиям. После многолетнего отсутствия преподавания по истории славян, в Казань прибыл М.В. Брегневич (1870–1963), абсолювент Юрьевского университета, кафедры истории средних веков, ученик А.Н. Ясинского, исследовавший преимущественно историю полабско-балтийских славян. Квалифицированный историк-славист, Брегневич прибыл в Казань в 1913 г. и не успел раскрыть свои возможности в качестве университетского преподавателя славянской истории.

В XX веке существенных организационных изменений в преподавании истории славян в Университетах России не произошло. Кафедры славянской филологии продолжали существовать в своем архаическом виде. История славян существовала как обязательный предмет исторических отделений историко-филологических факультетов, но специализация по ней не осуществлялась. Но в конце XIX–начале XX вв. ряды ученых, исследующих славянскую историю, значительно расширились за счет лиц, не связанных с работой в университетах. Они значительно пополнили

ряды славистов-историков, так что в целом изучение истории славян в России в начале XX в. сделало большие успехи и вышло на более высокий уровень.

В Университетах же кафедру славянской филологии продолжал занимать один профессор, читались те же основные славистические дисциплины: языки, литературы, история.

В Московском университете историю западных славян читал Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936). Он родился в семье сельского псаломщика в Рязанской губернии, окончил Рязанскую духовную семинарию и Московский университет (учился у Н.А. Попова и В.О. Ключевского) и после защиты магистерской диссертации был принят в это же учебное заведение в качестве приват-доцента по кафедре русской истории.

Историю западных славян он впервые читал в 1899–1900 учебном году, а с 1906 г. по 1917 г., – регулярно. За капитальное исследование «Литовский сейм» Любавский получил степень доктора русской истории, а затем и кафедру в Московском университете, с которым связана и вся деятельность этого ученого. Он избирался деканом историко-филологического факультета и дважды на трехлетний срок – ректором. В 1929 г. М.К. Любавский был избран в члены Академии наук СССР. В советское время он был арестован по так называемому «делу Платонова» и 8 августа 1931 г. приговорен к ссылке в Уфу на 5 лет, где и умер 22 ноября 1936 г.

Историк Любавский был в значительной степени полонистом. Исследуя историю Великого княжества Литовского, он, естественно, занимался и средневековой Польшей. М.К. Любавский – вообще видный представитель исторической науки. Его «История западных славян»¹ хорошо известна, этот курс охватывает историю прибалтийских славян, чехов и поляков и излагает в какой-то мере результаты исследований самого Любавского, основные научные работы которого посвящены истории Литовского княжества, тесно связанной с историей Польши, о которой он написал ряд важных статей. Понятно, что и рассматриваемый лекционный курс Любавского, особенно в разделах о польской истории, представляет собой, как уже отмечали современники, богатую содержанием и очень обстоятельную книгу по истории западных славян. Но, разумеется, трудам Любавского свойственны некоторые недостатки. О его лекциях писал в своих воспоминаниях учившийся у Любавского В.И. Пичета, впоследствии советский академик: «Любавский был прекрасный преподаватель, и занятия под его руководством дали мне много в отношении метода работы над источником и его использования. Но лектор Любавский был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян... Этот курс, составленный по польским и чешским по-

---

¹ Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции, читанные в Московском университете и на Высших Женских Курсах в Москве. М., 1917. Второе издание. М., 1918.

собиям, был... напечатан. ...Собственно, Любавский знакомил с внешне-политической историей с точки зрения историко-юридической школы. ...И все-таки из всех курсов по истории славян это был наиболее удовлетворяющий требованиям тогдашней истории... Все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом, а дальше описания Любавский не шел; какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому. Вопросы экономические, как это полагается всем представителям историко-юридической школы, блестяще им игнорировались. Курсы Любавского дали мне много фактического материала...»¹.

Как известно, воспоминания – источник весьма субъективный. Кроме того, В.И. Пичета писал свои мемуары в 1931 г., то есть через много лет после посещения лекций Любавского, некоторые факты, очевидно, стерлись в его памяти. Если учесть, что В.И. Пичета упоминает и о напечатанном курсе лекций Любавского, то мы вправе сделать вывод, что будущий советский академик был не во всем прав. Так, материалы опубликованного курса не подтверждают мнения, что Любавский игнорировал экономические вопросы, не шел дальше описания. Сомнительно и безоговорочное отнесение Любавского к представителям историко-юридической школы. Во всяком случае,

---

¹ В.И. Пичета. Воспоминания о Московском университете (1897 – 1901) // Славяне в эпоху феодализма. К 100-летию акад. В.И. Пичеты. М., 1978. С. 55.

в его подходе обязательно должна быть отмечена позитивистская методология, для своего времени прогрессивная. В изучение истории Польши периода феодализма Любавский внес значительный вклад, что составило определенное достижение русской историографии.

В 1911–1912 учебном году Любавский вел еще отдельно курс истории Чехии¹. Он начинал его с раздела «Первоначальная чешская монархия», затем рассказывал об усобицах XI – XII вв., об усилении германизации Чехии в XIII в. и первой половине XIV в. Эпоху правления Карла IV Любавский характеризовал как «золотой век» чешской истории, о котором народ «до сих пор» вспоминает с чувством «великого удовлетворения» и «национальной гордости». Значительное место (с. 68–116) отводилось гуситскому движению, а заканчивалось изложение характеристикой государственного и общественного строя Чехии в начале XVI в. Самостоятельных исследований по истории Чехии Любавский не проводил, но его изложение отвечало уровню знаний современной ему науки. В оценке догуситского периода чешской истории он придерживался взглядов западных, в основном чешских историков, а в гуситском движении видел несколько аспектов, относя его в целом к явлениям протестантского толка, что также было распространенной в науке того времени точкой зрения.

---

¹ Любавский М.К. Лекции по истории Чехии. М., 1912.

Столь достойный русский ученый, на наш взгляд, еще недостаточно оценен в историографии. В советское время его труды и имя не упоминались, хотя созданные им учебные пособия широко использовались в учебном процессе советских вузов. Так, лекции по истории западных славян были главным учебником для первых студентов историков-славистов, которые поступили на открытую в 1939 г. в МГУ кафедру истории южных и западных славян. Сам же проф. М.К. Любавский после 1918 г. историей славян не занимался. Творчество этого незаурядного ученого стало изучаться в основном в постсоветское время. Теперь уже о нем имеется немало литературы¹, но полную научную биографию М.К. Любавского еще предстоит создать.

В начале XX в. произошли некоторые изменения в распределении кадров историков-славистов в связи с политическими событиями в России в 1905–1906 гг. Забастовочное движение студентов нарушало учебный процесс и приводило к снижению уровня преподавания. Особенно сложная ситуация сложилась в Варшавском университете. В Польше революционное движение вылилось в требование ликвидации русского Университета и создание польского. В результате волнений учебное заведение долгое время вообще не функционировало. Весьма точно характеризуется соз-

---

¹ Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997; Она же. История славяноведения в России в конце XIX – первой половине XX в. М., 2012.

давшееся положение в решении Совета Министров Российской империи от 20 октября 1906 г. «Императорский Варшавский университет, – констатируется в документе, – бездействует с января 1905 г. вследствие враждебного отношения к нему со стороны польского общества и студенчества. Совет профессоров (Университета – Л.Л.), обсудив вопрос о возможности возобновления занятий в нынешнем году, пришел к заключению, что события последнего времени приняли такой оборот, при котором не только нельзя надеяться на возможность открытия университета в ближайшем будущем, но ставится вопрос о самом существовании его... Варшавский университет, бойкотируемый польским обществом и студенчеством, оказался без слушателей; занятия в нем не допускаются путем обструкции с применением физического насилия; польское общество и студенчество требуют упразднения ныне существующего русского государственного университета и основания взамен его польского государственного университета. Причиной таких беспорядков и волнений является стремление польского общества добиться полонизации школ края на всех ступенях, не исключая и высшей». В связи со сказанным положение «бойкотируемого и бездействующего» Варшавского университета представлялось русским властям совершенно нетерпимым. Поэтому министр народного просвещения полагал своевременным закрыть Университет «впредь до совершенного успокоения края, когда опять станет возможной правильная ака-

демическая жизнь в Варшаве, на общих основаниях с общеимперскими университетами»¹. Официального указа о закрытии Университета не последовало, однако фактически учебный процесс не возобновлялся в прежней полноте вплоть до конца исследуемого периода. В 1915 г. варшавский профессор В.А. Францев писал А.А. Шахматову: «В наш университет поступило всего чуть ли не 40 человек новых студентов... Филологов у нас будет на первом курсе немного, а студентов-славистов третьего и четвертого курсов остается тоже незначительное число, ибо студенты бегут от нас».

При таком положении русские ученые вынуждены были уезжать из Варшавы. Даже люди прогрессивных взглядов и дружелюбно настроенные к полякам не выдерживали атмосферы враждебности, окружающей русский университет в Польше. Националистические элементы польского общества не различали среди русских профессоров прогрессивных и реакционных, для них каждый представитель России был проводником русификаторской политики, слугой царизма и символом угнетения поляков. Так, в 1908 г. из Варшавы уехал А.Л. Погодин, оставив кафедру славянской филологии профессору В.А. Францеву, уроженцу Польши и полуполяку, которому уезжать было некуда.

---

¹ См. печатное издание: Особый журнал Совета министерства 20 октября 1906 г. // Институт русской литературы. Ф. 572. №309.

Александр Львович Погодин (1872–1947) родился в Витебске в дворянской семье. Окончил гимназию в Петербурге и историко-филологический факультет Петербургского университета, был усердным учеником В.И. Ламанского и А.Н. Веселовского. В 1901 г. получил ученую степень магистра славянской словесности за диссертацию «Из истории славянских передвижений». В 1904 г. защитил докторскую диссертацию «Следы корней в славянских языках». В 1906 г. был назначен ординарным профессором по кафедре славянской филологии Варшавского университета. До этого назначения А.Л. Погодин занимался в основном языкознанием и славянскими древностями, но постепенно перешел к изучению польской истории и литературы.

В 1910 г. А.Л. Погодин стал профессором Харьковского университета. В его лице Университет приобрел разносторонне образованного, талантливого и трудолюбивого сотрудника. Харьковский период деятельности был для А.Л. Погодина успешным и в педагогическом, и в научном отношении. Он читал курсы по славянским древностям, по истории славян и по истории польской литературы. Для более прочного усвоения студентами материала лекций профессор, как правило, публиковал их в качестве пособий. Так, вышли из печати «Лекции по славянским древностям» (1910), «Лекции по истории польской литературы, часть I» (1913), «Лекции по истории сербской и болгарской литературы» (1914), «Лекции по истории

польской литературы с извлечением из писателей и пособий» (1915).

Однако наиболее подробно разрабатывалась Погодиным польская литература. В 1912–1913 гг. он издал двухтомный труд «Мицкевич. Его жизнь и творчество». Солидное освещение средневековой польской литературы в неразрывной связи с историей и культурой Польши того времени Погодин продемонстрировал в «Лекциях по истории польской литературы»¹. В дальнейшем он издал и продолжение этих лекций², включив в него материал более позднего периода. В целом труды А.Л. Погодина заполнили значительный пробел, существовавший в изучении польской литературы в России.

Большую научную ценность представляют труды Погодина по славянской истории – как в целом, так и отдельных народов. Некоторые из них имели целью информировать читающую публику о славянах вообще. Так, в 1915 г. вышла работа Погодина «Славянский мир»³ с многочисленными и разносторонними сведениями о современном славянстве, почерпнутыми из большого количества источников. Подобного обзора в русской литературе еще не было. В том же году

---

¹ Погодин А.Л. Лекции по истории польской литературы. Ч. I. Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI века. Харьков, 1913.

² Погодин А.Л. Лекции по истории польской литературы с извлечениями из писателей и пособий. Харьков, 1915.

³ Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915.

Погодин издал брошюру «Краткий очерк истории славян» (М., 1915) и брошюру «Зарубежная Русь» (Пг., 1915). В последней приводятся исторические, этнографические и статистические сведения о Галиции, характеризуется и ее экономическая жизнь.

Ценным вкладом в русскую научную литературу по истории славянских народов была и его «История Сербии» (СПб., 1909) и «История Болгарии».

Особенно часто обращался А.Л. Погодин к сюжетам польской истории. Ему принадлежит, напр., такое исследование, как «Польша перед восстанием 1830 года»¹, где автор, в отличие от многих своих предшественников, не только не оправдывает русскую политику в канун и в период восстания, но и показывает, что выступление поляков было закономерным явлением. Не раз обращался А.Л. Погодин и к современным животрепещущим проблемам Польши. В числе его работ: «К вопросу об автономии Царства Польского»², «Польские настроения и дела»³. В 1909 г. Погодин издал «Очерк истории польского народа (для юношества)». Главными же его трудами о польской истории были специально посвященные ей монографии. Правда, последовательность выхода их в свет

---

¹ Погодин А.Л. Польша перед восстанием 1830 г. // Русское богатство. 1912, №8. С. 30–52, №9. С. 43–65.

² Погодин А.Л. К вопросу об автономности Царства Польского // Русская мысль. 1906. № 9.

³ Погодин А.Л. Польские настроения и дела // Русская мысль. 1910. №6.

не соответствует последовательности освещаемых исторических событий (напр., конец XVIII в. освещен в книге, изданной позднее, чем работа о периоде после восстания 1863 г.), но в целом они освещают историю польского народа от разделов страны в конце XVIII в. до современных автору событий. Книга Погодина «История польского народа в XIX веке», вышедшая в 1915 г., в основном характеризует политику России, Австрии и Пруссии в период разделов Польши, ее судьбу во время наполеоновских войн и Венского конгресса, состояние Царства Польского и развитие событий в нем до восстания 1863 г. Изложение же польской истории после этого восстания занимает у автора меньше места, но все же доводится до начала Первой мировой войны. Вопросу о развитии польской политической мысли после восстания 1863 г. Погодин посвятил специальную монографию¹, которая существенно дополняет своим материалом характеризованную книгу о польской истории XIX в., вышедшую позднее. А.Л. Погодин выделяет три главных направления польской политической мысли в их историческом развитии, а именно «социализм», «национализм» и линию «лоялизма и примирения», или «угодовства». Особенно обстоятельно изложена история развития социалистических тенденций в польском обществе. В

---

¹ Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907.

особой главе изложены события 1904–1905 гг., непосредственным свидетелем которых был сам автор.

Труды А.Л. Погодина по истории Польши были значительным шагом вперед в подходе к «польскому вопросу». Автор подводил читателя к выводу о необходимости предоставления Польше политической автономии, которая, как он доказывал, нужна не только Польше, но и России. Автор выражал этим точку зрения прогрессивной русской буржуазии, требовавшей конституционных преобразований и для самой России. В этом смысле труды А.Л. Погодина можно считать вершиной русской исторической мысли XX века в области славистики. Либерально-демократические идеи проводил Погодин и в публицистических статьях по славянским вопросам¹ – он писал их в большом количестве, активно участвуя в политической жизни своего времени. Однако, как и все дореволюционные ученые-слависты, он отрицательно относился к революционному движению масс и потому после Октябрьской революции эмигрировал из России.

В целом можно констатировать, что ученый был одним из признанных полонистов в России в начале XX в. Его подход к историческому процессу соответствовал методологическому уровню европейской науки того времени и в сюжетном отношении является

---

¹ Напр., Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. №1. С. 249–265; Он же. Очерки из истории славянской взаимности // Московский еженедельник. 1910. №№11, 15, 20.

существенным достижением в разработке польской истории. А.Л. Погодин стремился осветить причины, ход и последствия исторических событий всесторонним анализом позитивных и негативных аспектов русской политики в Польше. Он не оправдывает действия русских самодержцев, их правительств и отдельных лиц, выполнявших определенные функции в Царстве Польском, осуждает политику русификации, считая ее неконструктивной и не имеющей перспективы. Польский народ Погодин считает талантливым, но порицает господствующий класс – шляхту и католическую церковь за классовый эгоизм, «феодалную заносчивость» и снобизм. Эти черты, по мнению Погодина, до 70-х годов XIX в. делили польский народ на антирусское революционное меньшинство и индифферентное угнетенное большинство, представленное крестьянством и трудовыми слоями города. Историк во всех своих работах упорно проводил мысль, что полякам нужно предоставить автономию в рамках Российской империи, которая сама, в свою очередь, должна стремиться к конституционному устройству. Исследователь воздерживается от резкой критики радикальных антироссийских формулировок, стремится объяснить действия сторон объективными обстоятельствами и считает, что причину враждебности в польско-русских отношениях в одинаковой степени следует искать в деятельности обеих сторон.

Поставив задачу осветить политическую историю Польши, А.Л. Погодин в своих работах отводит

очень мало места изучению экономических и социальных процессов, происходивших в польском обществе. Больше внимание к этим явлениям, на наш взгляд, ближе подвело бы исследователя к объяснению факта живучести нереальной программы борьбы поляков против России. Именно экономическое развитие привело к изменению форм борьбы, т.е. переходу открытых выступлений и восстаний к «органическому труду». На наш взгляд, отказ от романтических идеалов, как автор называет требования шляхетских выступлений, произошел не потому, что в 60–70-е годы XIX в. в общественную жизнь вступило «более трезвое» поколение, а потому, что само «отрезвление» явилось результатом развития капитализма не только в Польше, но и во всей Европе. Ввиду этого изменился социальный состав националистической части общества, выработавшего уже новую программу борьбы за национальные интересы.

Значительное место в изучении А.Л. Погодиным истории южных славян отводится истории Сербии и Болгарии. Кроме книги «История Сербии», ученый в 1910 г. опубликовал «Историю Болгарии», а в сочинении «Краткий очерк истории славян» (М., 1915) в гл. V – «История славянских государств на балканском полуострове» – излагается история Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Эти и другие сюжеты читатель настоящего пособия найдет в книге: Лаптева Л.П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и твор-

чество (1872–1947). М., Дом русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2011.

Краткий обзор преподавания истории южных и западных славян, предложенный в этом пособии, позволяет сделать несколько обобщений.

История зарубежных славян преподавалась в российских Университетах во второй половине XIX и начале XX вв. нерегулярно и не в полном объеме. Процесс становления этого предмета в учебном плане высших учебных заведений шел постепенно. По сравнению с дореформенным периодом, когда история была фоном при освещении процесса развития литературы, языка и пр., во второй половине XIX в. она выделилась в самостоятельный предмет. Однако для интенсивного развития процесса преподавания истории в российских Университетах существовал ряд препятствий. Первое из них – отсутствие специалистов по истории славян. Слависты готовились главным образом как языковеды, историки литературы и т.п., т.е. должны были стать филологами широкого профиля. Большинство из них писали свои магистерские и докторские диссертации именно на тему из области языкознания или филологии вообще, а историю славян читали в Университетах историки России, византилисты, всеобщие историки или профессора-филологи. Кафедры истории славян в Университетах не было. В провинциальных Университетах «всё» славяноведение преподавал один профессор. Хронологически лекции по истории славян в основном охваты-

вали средневековье и частично раннее новое время: история Чехии читалась до начала XVII в., когда она потеряла независимость, история Польши излагалась до XVI в. или до первого Раздела в 1772 г., история южных славян – до турецкого завоевания. История славян нового времени читалась не всегда. Не получившие специальной исторической подготовки профессора-филологи нередко составляли свои лекции по литературе, и содержание их не всегда соответствовало современному уровню исторической науки.

Но в конце XIX – начале XX вв. историческая наука в России, в том числе и в области славяноведения, достигла больших успехов, что отразилось и на уровне преподавания славянской истории. И хотя специальная кафедра истории славян так и не была создана, подготовка специалистов в этой области значительно повысилась. В Московском, Петербургском и Харьковском университетах за счет историков увеличились кадры славистических кафедр. Лекции читали крупнейшие ученые – историки, внесшие серьезный вклад в науку о славянах своими исследовательскими трудами, владевшие новой методологией и методикой преподавания.

История славян в Харьковском университете	127
Марин Дринов (1838–1906)	144
Преподавание истории славян в начале XX в. (до 1918 г.)	151

Учебно-методическое пособие

Л.П. Лаптева

Преподавание истории зарубежных славян
в российских Университетах
во второй половине XIX – начале XX вв.

(Материалы ко Второму всероссийскому
совещанию славистов)

Ответственный редактор:
Е.С. Узенёва

Оригинал макет: А.А. Улыбиной
Обложка: А.А. Улыбиной

Подписано в печать 29.10.2013 г. Объем 10,6 п.л.
Тираж 200 экз. Формат 60x88/16.

